

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ПЕРЕХВАТ
ИНИЦИАТИВЫ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Перехват инициативы

«Автор»

2008

Самаров С. В.

Перехват инициативы / С. В. Самаров — «Автор»,
2008 — (Спецназ ГРУ)

Отставной сержант спецназа ГРУ Роман Вершинин обнаружил, что за ним следят. Он уже приготовился было дать решительный отпор, как преследователей неожиданно расстреляли неизвестные. Единственный выживший рассказал милиции о Вершинине, который тут же стал главным подозреваемым. Роман сумел уйти от группы захвата и обратился за помощью к своему бывшему командиру капитану Аvezову. Вместе они вышли на сотрудников ГРУ с просьбой о защите. Но вскоре выяснилось, что участие ГРУ в судьбе Вершинина далеко не бескорыстно: разведывательное управление рассчитывает осуществить при его участии одну секретную операцию...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ВАДИМ АВЕДОВ, КАПИТАН В ОТСТАВКЕ, СПЕЦНАЗ ГРУ	5
РОМАН БЕРСЕРК, ОТСТАВНОЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СПЕЦНАЗА ГРУ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ВАЛЕРИЙ СТАДНЮК, КАПИТАН, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА	15
ВАДИМ АВЕДОВ, КАПИТАН В ОТСТАВКЕ, СПЕЦНАЗ ГРУ	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	24
РОМАН БЕРСЕРК, ОТСТАВНОЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СПЕЦНАЗА ГРУ	24
ВАЛЕРИЙ СТАДНЮК, КАПИТАН, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА	28
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	34
РОМАН БЕРСЕРК, ОТСТАВНОЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СПЕЦНАЗА ГРУ	34
ВАЛЕРИЙ СТАДНЮК, КАПИТАН, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Самаров

Перехват инициативы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВАДИМ АВЕДОВ, КАПИТАН В ОТСТАВКЕ, СПЕЦНАЗ ГРУ

– Берсерки хреновы... – с презрительной усмешкой проворчал снайпер, младший сержант Гришаев, поглаживая с любовью прицел своего «винтореза». – Таких учить надо...

Боевики шли в полный рост, вернее, наполовину шли широкими неуклюжими шагами, наполовину бежали, пошатываясь и спотыкаясь, что-то орали благим матом и поливали все окрестности очередями, не соображая, кажется, куда и зачем стреляют. Запросто могли бы и друг друга перебить. С перепугу и такое случается... Двенадцать матерых боевиков в камуфляжке, в бронежилетах, все с зелеными повязками поперек лба и надписями на повязках арабской вязью... Это было даже не отчаяние... Отчаяние – как правило, попытка спастись или хотя бы нанести противнику наибольший урон. Эти были элементарно одурелые, то есть «дури», похоже, основательно перекурили.

– Не-а... Это, Гришаня, не берсерки, это простые наркоманы... Таких и на наших улицах как грязи, – возразил Рома Берсерк, старший сержант. Вообще-то он не Берсерк, а старший сержант Вершинин. Это я его Берсерком прозвал за отчаянный характер и бесстрашную натуру.

Мы уже час назад заперли отряд боевиков в ложбине. Двадцать два человека – все, что осталось от первоначального состава... Большой по нынешним временам отряд... Сейчас, не в пример прошлым временам, чаще банды мелкие встретишь, человека по три-четыре... Так прятаться легче и делать гадости исподтишка... А тут повезло то ли нам, то ли им... Скорее всего, несколько групп собрались для проведения крупной операции и на нас напали. На такую мысль наводила несогласованность действий. Один отряд обычно более четко действует, по отработанным сценариям.

Обложили мы этих с трех сторон, а с четвертой им путь отступления отрезал высокий утес. Ложбина как раз под этот утес с косогора круто сваливалась. Мы туда, в самый низ, еще вечером заглядывали. Грязи по колено – талая вода туда еще недавно стекала... Остался склон без снега прежде обычного – весна ранняя... А утес высокий, из каменистой земли – не прокопаешь... Но нас самих не много было. Я на операцию только взвод из своей роты взял. Не ожидали такой встречи, поскольку осведомители доложили, что видели троих людей, похожих на боевиков. И в этой ситуации мы работали в полном соответствии с привычной тактикой спецназа ГРУ – на штурм не рвались и стремились уничтожить противника без непосредственного контакта.

Я в передовой дозор всегдаставляю пару парней с ручными пулеметами. По штату на взвод вообще только один ручной пулемет полагается. Но если по правилам все бои расписывать, в первой же схватке половину состава потеряешь. Исходить можно только из реальной обстановки. И потому у меня в каждом взводе, отправляющемся на операцию, имеется по паре трофейных пулеметов. Именно трофейных, не оформленных документально, чтобы никто не возразил против нарушения штатного расписания. «Калаш», как он ни хорош, в скорострельности с пулеметом сравниться не может. Если в лесу, да еще в вечерних сумерках или на рас-

свете, как у нас случилось, неожиданно встретиться нос к носу с противником, даже очереди из двух автоматов двух-трех боевиков срежут, а остальные успеют среагировать и спрятаться в укрытие, а то и сами плотным огнем ответят. Пулеметные же очереди, когда их две, за пять секунд десяток положат. И ответить не дадут. Психология боя такова, что, когда в тебя из автомата стреляют, ты тоже ищешь возможность ответить из своего автомата. А когда в тебя шмаляют из пулемета прямо от пояса, скашивая подряд соседей и окружающие кусты, ты ищешь только укрытие, но не всегда успеваешь его найти...

У нас все так и получилось. И не в первый раз, кстати. Пулеметы в передовом дозоре играют решающую роль. На рассвете нос к носу столкнулись с бандой. Они тихо шли – прятались до какого-то им одним известного момента, мы – еще тише... Дозор, как и полагается, шел настороженно, готовый к любой неожиданности, и хорошо среагировал. На такое я всех своих ребят в роте хорошо натаскивал – сначала действовать, потом уже думать. Боец обязан работать на автомате. Сработали... Десятерых «покрошили» – навсегда. По большому счету целый джамаат¹. Остальные чуть дальше тянулись и отступить успели, но в панике, не сумев разобраться с ситуацией, отступили из леса на место, только кустами прикрытое, где видимость хорошая. Потому я и сообразил, что отряд у них сборный, не согласованный в действиях. В таком месте даже, пригибаясь, за кустами не спрячешься. А паника понятна – не всегда сразу на два пулемета нарываться приходится. Это самых «тертых» пугает. И напугало хорошо – для нас. Такой момент грех упускать!... При преследовании через открытое место мы еще шестерых сразу положили, из леса не выходя и себя не подставляя, пока боевики до следующего леса спуститься не успели. Но двадцать два человека все же отошло, мы успели подсчитать. А нас всего тридцать два человека было... То есть первоначально бандитов было на шесть человек больше. Если бы они сразу сообразили, могли бы всем составом в лес на нас ломануться, на ближнюю дистанцию, тогда уже, как говорится, зуб на зуб, и – у кого натура шире, рви камуфляжку на груди, ори до одури, стреляй, бей, кусайся... Вести такой бой мы тоже умеем, хотя предпочитаем действовать иначе, чтобы избежать возможных потерь. Всегда так работаем.

Хорошо, что боевики нашего состава не знали. Они даже и следующий лесок с перепугу проскочили, боялись преследования по пятам. А мы перегруппироваться успели, открытое место с двух сторон четко обошли, чтобы не показываться и под возможные выстрелы не подставляться, и заперли их в ложбинке. А там уже дело свелось к классической технике «ленивой войны». Просто стреляли во все, что покажется подозрительным, на любое движение, на шевеление кустов... И снайпер наш душу отвел... И гранатометчик постарался – навесом бил. Миномета у нас, к сожалению, с собой не было, а то могли бы вообще ни одного снизу не выпустить. Но и так только двенадцать человек в итоге осталось. Те, кто нос в землю закапывать умел. Час они сидели, чего-то ждали... Вернее, известно, чего... Обкуривались. На это тоже время, наверное, требуется, чтобы до такой кондиции дойти, когда горы и долины, как камни и лужи, перешагивать можешь. А потом – обкуренным храбрости не занимать, в прорыв по фронту двинулись. Нас там, на центральном участке, десять человек залегло со мной во главе.

Мы их встретили без суеты, спокойным прицельным огнем, как на стрельбище... И далеко продвинуться не дали. Последнему я лично шагов с десяти пару пуль в голову влепил. Очередь короткая. Я всегда стреляю по две, а не по три пули. Так более прицельно получается, и автомат не успевает влево отбросить.

– А ты, Гришаня, говоришь, берсерки... – наш Берсерк, кажется, даже обиделся за такое нелепое, с его точки зрения, сравнение.

¹ Джамаат – в бандсоединениях чеченских боевиков – отдельное подразделение, как правило, численно равнялось общевойсковому отделению, но, в отличие от него, имело собственных специалистов различного профиля для самостоятельного ведения боевых действий – разведчиков, снайперов, минеров, минометчиков, гранатометчиков, санитара и прочее, в зависимости от профиля своей деятельности.

Он бы, наверное, и на меня за свое прозвище обиделся, если бы знал, с чего я вдруг так обозвал его. Просто у меня дома пес, туркменский волкодав, иначе называемый алабай, имеет кличку Берсерк. Старший сержант Роман Вершинин на моего Берсерка характером сильно смахивает. Точно такой же неудержимый, если в ярость войдет. Ничем его не остановишь. Страх не ведает. Но в обычной обстановке спокоен и держится с достоинством, не психопат.

Роман пошел в армию с последнего курса технического университета. Был почти готовым программистом, но устроил какой-то скандал в университете, когда его программу, как он говорил, декан выдал за собственную и опубликовал в монографии описание. Чем такие скандалы заканчиваются, известно... Но армия приобрела хорошего солдата, и я даже был благодарен за новобранца неведомому вороватому декану.

* * *

Меня и четверых солдат, в том числе и Берсерка, представили к награде. Тот бой был удачным. Но мы тогда даже раненых не имели.

А через неделю, когда уже в составе двух взводов я вышел на прочесывание лесополосы около железной дороги, где снова видели кого-то подозрительного, шальная пуля перебила мне кость в бедре. Очередь была длинная и не прицельная. Такая длинная очередь не может быть прицельной. И меня тоже обложили – сначала бинтами, а потом, в госпитале, гипсом.

– Все нормально будет, товарищ капитан. Вы поторопитесь с выздоровлением. У нас «дембель» скоро. Как без вас! – сказал Берсерк, заталкивая носилки в вертолет, прилетевшим санитарам помогал.

До начала демобилизации почти пятой части личного состава моей роты оставалось полтора месяца. Невозможно было успеть даже на костылях вернуться в часть хотя бы на несколько дней, чтобы парней проводить. Два месяца в лежачем положении, месяц в полулежачем – бедренная кость во всем человеческом скелете самая мощная и срастается традиционно плохо... Три операции медицинских дались мне сложнее, чем десяток настоящих и трудных боевых. Раздумья, нервы, крушение планов и отсутствие новых... Паника, надежда, снова паника и снова надежда, мысли о своей ущербности и неспособности к дальнейшей жизни, такой, какой она раньше мне виделась... Потом – четвертая операция, и металлическая трубка в бедренной кости, равнодушная и усталая комиссия, и я – инвалид без костылей, но с палочкой, которую, по словам врачей, должен буду бросить еще через пару месяцев.

– Радуйся, что легко отделался, – сказал полковник медицинской службы, председатель комиссии. – На сантиметр бы в сторону – дыра в артерии. В полевых условиях тебя спасти бы не удалось. Кровь через бедро за пару минут вся вытечет.

Он похлопал меня по груди, прислушался и похлопал снова, потом пальцем провел по моим орденам и крестам – для убедительности, чтобы посочувствовали, оценили и из армии не гнали, я их все на китель выставил. Не помогло.

Прощай, служба...

* * *

Вы когда-нибудь в жизни встречались с настоящим берсерком?.. Нет?

Вам повезло... Но если любопытство мучает, тогда советую – переберитесь через забор ко мне во двор деревенского дома. Не забудьте перед этим рыцарские доспехи надеть потяжелее и покрепче, но я, извините, не уверен, что это вас спасет... Препятствия, которыми могут стать в данном случае доспехи, всегда приводят Берсерка только в ярость, с которой ни я, его хозяин, ни он сам совладать не в состоянии.

И это – не думайте! – не мои выдумки. Когда европейские и сарацинские рыцари пытались противопоставить ярости настоящих викингов-берсерков прочность своих доспехов, те не выдерживали и в итоге спасти не могли. Настоящие берсерки доспехи презирали, как и щиты, и шли в бой в белых рубахах и с двумя мечами. Они страха и сомнения не знали...

Берсерк – мой трехлетний белый алабай, существо, не знающее страха и сомнения и не отступающее ни перед какими угрозами. Его белая рубаха – длинная шерсть. А единственная для него власть – это я, с первых месяцев жизни вдолбивший в понятливую щенячью голову мысль о присутствии командира в роте, то бишь вожака в семейной стае. А единственная угроза, перед которой он все же отступал и смирял свой нрав, это веник в руках моей жены – она приучала к порядку Берсерка еще тогда, когда он не вошел в силу и был существом не слишком опасным. Сейчас без веника он и жену не слишком слушает, хотя очень ее любит. Еще бы не любить свою кормилицу. Любой пес, а особенно обладатель алабаевского интеллекта, который на протяжении шести тысяч лет соседствовал с человеческим, должен понимать, что это за труд – прокормить восьмидесятикилограммовое белое чудовище, никогда не страдающее отсутствием аппетита. Целую человеческую семью прокормить куда как легче...

Дом в деревне я специально и купил ради своей собаки. Ну, может быть, чуть-чуть для себя и своей семьи. Город для такой большой псины слишком тесен и многолюден. Зимой приходится мириться с обстоятельствами и поводком, а порой и с намордником, а уж летом Берсерк живет в свое удовольствие. Правда, ради удовольствия всех других, в первую очередь деревенских собак, пришлось построить глухой забор высотой чуть больше двух метров, потому что два неосторожных свободолюбивых кобеля, которые нашли дыры в старом заборе, успешно убежать не сумели. Все-таки алабай считается бойцовской породой, а уровень владения клыками и телом у самых опытных деревенских драчунов на три порядка ниже.

Но все утряслось быстро, и к забору Берсерк привык, как деревенские собаки к угрозе за этим забором. Он, конечно, пробовал перепрыгнуть, когда за забором пробегали эти самые собаки, он узнавал их по запаху, но – чуть высоковато даже для него. И среди людей, желающих проверить, что такое настоящий берсерк, в деревне охотников не нашлось. Если кто-то приходил по необходимости, я своего пса, с его точки зрения, несправедливо наказывал – сажал на двойную крепчайшую кованую цепь, сделанную по специальному моему заказу, – магазинные цепи Берсерк рвал в свое удовольствие. Натянул – ослабил, натянул – ослабил, и третье уже не натяжение, а рывок – и звенья цепи разлетаются... Кованая и сваренная в местах соединения цепь пока с его силищей успешно боролась. И гостей спасала. Потому гостей Берсерк и не любил. Я своей хромоты все еще стеснялся и тоже не любил их. Хотя к травме начал понемногу привыкать, да и хромать стал заметно меньше. Без палочки уже ходил.

Два года уже минуло, как пришлось привыкать.

* * *

РОМАН БЕРСЕРК, ОТСТАВНОЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СПЕЦНАЗА ГРУ

Я еще только на работу собирался, когда позвонила мама. У них там, на Урале, уже рабочий день начался. Могла бы догадаться, что у нас разница в два часа и я в это время, как обычно, тороплюсь. Но она не привыкла считаться с чужими ощущениями и мнениями. Всегда только себя видит и считает, что все остальное просто обязано под нее подстраиваться. Ее свободное время – это ее свободное время, и если она его, свободное время, чему-то посвящает, то этому же должен быть отдан досуг всех остальных.

– Как у тебя дела, Роман? – она говорила таким тоном, словно находилась на планерке в своем директорском кабинете.

Впрочем, определитель на аппарате показал, что она как раз и звонила из своего кабинета. Только едва ли во время планерки. Ее она чтит чуть ли не верховным божеством в золотистом ореоле, и посторонними делами на ней заниматься не будет. В прошлом году мне соседи рассказывали, что, когда умерла бабушка, они позвонили матери с сообщением, но она разговаривать не стала, сказала, что позвонит сама после планерки. Даже соседи этого не понимали. Я, однако, к такому привык с детства.

– Слышал, что пока еще жив.

– Я рада, что такие слухи ходят.

Отношения у нас с мамой сложные. Сколько помню себя, ей всегда было некогда показать сыну доброту и ласку. Всегда занята, а сыном должна заниматься бабушка-пенсионерка. Но родителей не выбирают. И приходилось довольствоваться тем, что есть.

– Ты, мам, просто так звонишь или по делу?

– Торопишься? – в ее голосе недовольство почувствовать нелегко, потому что недовольна она всегда, но я уловил.

– На работу собираюсь...

– С женой отношения не наладил?

– Бог миловал...

– Ладно, это ваши дела... Я вот что... Тут мне звонили, привет от отца твоего передавали. Объявился он, видите ли... Но сам не позвонил, через посторонних... Общих знакомых...

– И что?

Я спросил намеренно равнодушно, подыгрывая маме, хотя умиротворения в душе, конечно же, не испытывал. Но и то, что волновало, только чуть-чуть выходило за грань любопытства. Меня с детства приучали к мысли, что отца у меня физически нет. То есть говорили, что он есть, но при этом – нет его. Хотя и не объясняли толком, почему так должно быть. Мама с отцом жили недолго, и брак не регистрировали. Я даже фамилию его не знаю. Спрашивал у мамы и у бабушки, не говорят. Не хотят, чтобы я его разыскивал.

– Я сказала, что не помню такого. Потом про тебя спросили. Хотели тебе посылочку передать... Я сказала, что ты в другом городе живешь и не желаешь иметь с ним дела.

– Ты немножко поторопилась. Я был бы не против взглянуть на него... Но – ладно, как сказала, так и сказала.

Отец ушел от матери, не вытерпев, как я думаю, ее напористого характера, за два месяца до моего рождения. Бабушка говорила, что он позже дважды объявлялся, не возвращался к матери, а только хотел на меня посмотреть, но его не подпустили. Потом он совсем исчез, на двадцать четыре года.

– Не надо тебе с ним встречаться, – сурово произнесла мама.

Признаться, другого я и услышать не ожидал. Но спорить с ней я не люблю. Я никогда не vzdорил с ней, только поступал по-своему. И из-за этого у нас всегда возникали конфликты.

– Тебе виднее. – Мне в самом деле стоило поторопиться, потому что не законченная вчера работа ждала меня. А завершить ее вечером я тоже не мог, потому что сразу после работы на тренировку по «рукопашке» спешил. Соревнования скоро...

– Он не тот человек, с которым стоит иметь дело... – Мама хотела, кажется, еще долго настаивать на своем. Она могла одну и ту же фразу повторять деловым суровым речитативом и три, и пять, и десять раз...

– Я же сказал – тебе виднее. Я опаздываю на планерку.

Вот это для нее было свято – мне подвернулся нужный козырь.

– До свидания, сынок.

Но и слово «сынок» было произнесено очень по-деловому. Наверное, иначе говорить она уже и не умеет. Мама – большой человек... Навскидку я и не вспомню еще какого-то директора и совладельца крупного металлургического предприятия – женщину... Она – уникум, и этим гордится...

* * *

Мой ярко-синий новенький хетчбек «Мазда-3», приобретенный два месяца назад по случаю удачной продажи эксклюзивной программы восстановления памяти поврежденного винчестера, стоял во дворе не угнанный. Это радовало. Но угнать его было, по моему мнению, и невозможно, поскольку я превратил «Мазду» в компьютер на колесах, закачав в машину собственную программу контроля за запуском двигателя. И без знания некоторых особенностей начертания моих отпечатков пальцев двигатель бы просто не запустился, как не открылся бы и капот, чтобы дать возможность угонщику выдрать всю электронную начинку и запустить двигатель без этого. Сенсорное устройство в зеркале заднего вида служило контроллером запуска. Просто и непонятно постороннему.

Вставив в замок зажигания ключ и провернув его, я нажал большим пальцем на зеркало строго в нужном месте – будто бы зеркало случайно подправил, и только после этого запустился стартер. Рукоятку селектора в положение drive – второе нажатие на зеркало, и разблокирована педаль газа. «Мазда» плавно тронулась к выезду из двора. Немножко долго, зато надежно. Пропустив несколько машин, я выехал из двора и сразу перестроился во второй, а потом, воспользовавшись моментом, и в третий ряд, где можно было ехать быстрее, потому что поворотов налево, способных заставить надолго встать, поблизости не было. Но взгляд в зеркало заднего вида заставил меня недовольно хмыкнуть и резко оттянуть узел галстука на горле, словно он жестокой удавкой душил меня. И в самом деле в горле на какое-то мгновение встал гневный жесткий комок...

Опять!.. Не люблю такого...

С кем вообще-то неприятностей в жизни не бывает?.. Вообще не бывает... Покажите мне такого человека... А со мной они случаются регулярно по причине моего мерзкого, как бывшая жена говорила, характера. Она меня звала в свое время «пробкой в бутылке шампанского». Чуть-чуть свободы, говорила, – и взрыв... Я возражал, мне справедливо казалось, что сравнение принципиально не верно, потому что я взрываюсь не от свободы, а от ее притеснения. Свою свободу я всегда люблю и тщательно лелею, а вот притеснения органически не терплю. С самого детства. Мама так невольно приучила. Ей я не возражал – единственной, и потому мне очень хотелось возражать всем другим, что я и делал, чтобы самоутвердиться. Но возражал я всегда справедливо. Жена же вообще корней моих возражений не понимала, потому что это она была тупа как пробка. Ей собственное сравнение нравилось не меньше, чем какому-нибудь профессору, купившему по дешевке диссертацию, ученая степень. Она от такого умнее себе казалась, а это уже значило для нее все... Но не в ней, кстати, дело. Уже полгода, как расстались, и этому следует еще полтора года громко радоваться. Дело в том, что в неприятности, при

жене, без нее ли, я влипаю регулярно, по какому-то непонятному мне расписанию. Но у всех неприятностей должна быть причина. Причем видимая, поскольку жизнь я веду достаточно открытую, практически без тайных дел, которыми кто-то может по большому счету заинтересоваться. Так, разве по мелочи... И случилось, что видимая причина, когда я лез на рожон, становилась знаменем в разгорании конфликта. В последнее время, правда, я начал «взрослеть» и серьезных столкновений не было. А несерьезные в счет брать не хотелось.

Однако, чтобы так плотно «на хвост» садились и при этом еще долго не «наезжали» для выяснения ситуации – не люблю, да и точка! Лучше бы уж сразу «наехали», и дело бы кончилось давно с тем или иным результатом. Но главное – и в воздухе бы ничего не висело. Для меня неопределенность хуже водки с сахаром. Человек я такой... Не зря меня в армии наш командир роты Вадим Палыч, хороший человек, капитан Аведов, Берсерком прозвал... Как после армии за мной кличка сохранилась, понятия не имею... Но сохранилась. Кто-то ее и в гражданскую мою жизнь принес... Я не возражаю, мне самому она нравится.

Но третий день в тупом неведении – это для любого, даже самого захолустного берсерка слишком. Тем более что, перебрав все времена недавние, я не нашел за собой ничего такого, что могло бы вызвать у кого-то желание разобраться со мной. Чист я, и это преследование меня давит... Непониманием...

Вчера по делам еду, встреча, которую не всем видеть следовало, предстояла, а они позади плетутся: то отстанут, то приблизятся на старенькой и многократно побитой «Шкоде Фабии», я психанул, сам решил выяснить. Остановился, кажется, даже под знаком, вышел из машины, руки в боки, смотрю в упор – они влево резко взяли, будто отпрыгнули, даже сигнал поворота включить не успев, и сквозанули, козлы... Думал, уж совсем исчезнут, если, лохи, надеялись на «сынка» нахрапом «наехать»... Нет, через час снова объявились, около конторы меня ждали, на противоположной стороне. Я уже остыл, уже не хотелось кулак о чей-то нос почесать. Значит, не лохи и дело знают, только ведут себя непонятно. И даже машину сменить не потрудились. Только на заднее сиденье еще пару человек посадили. Четверо на одного – уже серьезнее... Но я сам четверых стою, хотя весом чуть-чуть за семьдесят перевалил, а ростом едва до ста семидесяти пяти не дорос! Кто сталкивался, знает, что стою – не хвастаюсь. Знать бы это надо и им, если прут, как с вилкой на танк.

Номер машины я, конечно, в память сфотографировал. Вечером позвонил знакомому менту-подполковнику, которому с помощью собственной программки-сателлита систематизировал в компьютере отделения базу данных, попросил номер «прокачать» и данные на водителя мне сбросить... Я бы и сам мог в базу данных МВД влезть, но зачем лишние хлопоты и риск, если можно проще узнать. Утром он сам позвонил, сказал, что водитель – так, из мелких «кидал», типа «наперсточников», хотя две с половиной «ходки» имеет. Первая – по малолетке, потому только за половину протянет. Потом две по мелочи...

Таких встречал. Лапы, как правило, в татуировках, гонор сзади из штанов вываливается, а толку от них мало. Одним словом, «кидала» может быть только «кидалой», и ничем больше... Но какой интерес может быть у него ко мне? Никакого... Следовательно, вопрос ко мне имеет тот, что справа от «кидалы» сидит или даже вообще третий человек, который их посылает за мной следом. Посылает или нанимает – тоже есть разница, но это не принципиально важно. Главное другое – в чем этот интерес заключается...

* * *

Дорога постепенно загружалась, готовясь к скорым пробкам...

У меня даже мысль шальная мелькнула – а не от папочки ли родимого этот след тянется. Мало ли... Но эту мысль я быстро отбросил. «Хвост» уже третий день липнет, а папочка мамочке только сегодня утром, как я понимаю, позвонил. Даже не сам, а через общих знако-

мых, как она сказала. Если бы он позвонил вчера, она бы тогда же мне сообщила. Да и вообще, кто такой мой папочка, я не знаю. Отчего мне так хочется приписать ему поиски далеко живущего сына и даже способность послать людей на его поиск... Романтично... Каждому брошенному сыну так, может быть, хочется. Но нереально. Искать другое следует... А для поиска я, программист с изощренным складом ума, ничего не смог иного придумать, как применить силу и спросить – что этим друзьям от меня надо. И пусть их опять в машине четверо. Это меня не остановит. Хотя лучше все же подстраховаться и начать действовать около конторы. Там всегда выскочат на помощь охранники. Они у нас парни крепкие, а двое сегодняшних дежурных даже в спецназе ГРУ, как и я, служили. Один даже в нашей бригаде, только на год позже призывался. Целый год вместе служили, но в разных батальонах. А познакомиться, к сожалению, не удалось.

Ехал я быстро, но в зеркало поглядывал часто. И потому уже через минуту вовремя похвалил себя за продуманность действий. Не зря все же два года прослужил в военной разведке. Спецназ ГРУ – школа хорошая и учит поступать правильно в самых сложных ситуациях. И характер смирять учит. Сегодня за мной уже не одна «Шкода Фабия» тащилась, а еще через пару машин – старенький, как «Шкода», «Фольксваген Гольф» из первых моделей. Такой машине давно бы пора перестать бегать, но еще, оказывается, служит... Если преследуют двумя машинами, это уже интереснее и предвещает что-то новое, какое-то действие. Но в двух машинах может оказаться больше людей, чем нужно для того, чтобы хорошенько их побить. И потому до конторы лучше доехать вовремя. И останавливаться, конечно же, следует ближе к крыльцу, чтобы охранникам бежать было недалеко.

Испугаться я не испугался. Не было причины, чтобы пугаться, ничего страшного за своей спиной я не чувствовал. И даже азарт какой-то появился, как в компьютерной игре, хотя я до этих завлекаловок не большой охотник. Но азарт есть азарт. Бывает так: или страх, или азарт... Это я с войны помню... И еще с той войны усвоил необходимость правильно вести себя в сложных обстоятельствах. Нас так хороший человек, наш командир роты капитан Аведов, учил. Где-то он сейчас?.. Наверное, опять в Чечне.

Бригада наша стояла от Чечни недалеко, в Моздоке, и туда нас гоняли регулярно. А командир роты с каждым отрядом отправлялся. Служба у него такая. Потом его ранило. На моих глазах, когда он в метре от меня шел. И я помогал хилым санитарам тащить носилки с капитаном до вертолета. Проститься с ним не удалось. Когда «дембель» подошел, капитан еще в госпитале лежал, здоровье поправлял. А нас по домам отправлял сам командир бригады, полковник. И привет всем от выздоравливающего Вадима Палыча передал.

Капитан Аведов. Вот бы кого сейчас сюда, в помощь... Уж он-то помог бы разобраться с ситуацией. Даже против двух машин и даже трех... Если уж мы себя хорошими квалифицированными разведчиками считали, то что же о капитане говорить, когда он все умел делать лучше нас кратно. А о том, чтобы победить его в «рукопашке», даже спортсменам в этом виде не стоило мечтать.

* * *

Я поехал медленнее, чтобы чаще пользоваться зеркалами. До конторы мне добираться недалеко, и хотелось успеть разобраться, кто во второй машине сидит. Узнать хотя бы количество противников. Теперь я уже достаточно хорошо понимал, что против меня нечто замышляется. Но что и с какой целью? Конечно, это не банальные разборки за то, что кому-то высказал в лицо свое мнение, причем публично, как было в прошлом году. И даже не за то, что оставил кому-то синяк под глазом или даже заставил человека потратиться на вставление зубов, что нынче неестественно дорого. Такое тоже прежде случалось. Но сейчас намечалось нечто другое, не совсем пока понятное. Мне постоянно видно было только краешек этого «Гольфа».

Впечатление такое, будто они специально от меня прячутся. Следовательно, не желают показать, что соотношение сил еще более изменилось. А когда меняют соотношение сил, оставляя резерв до момента «Х» в засаде? Только тогда, когда готовят активные действия.

Я эту предполагаемую активность вовремя просчитал, следовательно, хотя бы от неожиданности себя обезопасил...

После поворота на другую улицу убедился, что так, скорее всего, дело и обстоит. «Гольф» опять держался строго через две машины от «Фабии» и искал такое место, чтобы не светиться передо мной. Это еще больше разожгло мой интерес. До такой степени, что я забыл перестроиться из третьего ряда во второй перед перекрестком, где был популярный поворот налево. Все машины третьего ряда налево поворачивали. Но для этого им предстояло пропустить встречное движение, а это, при интенсивности московского движения, процесс затяжной. И я, слегка ругнувшись за свою оплошность, застрял среди машин третьего ряда, ожидающих зеленого сигнала светофора, с тем чтобы потом пропустить встречный поток и только в последний момент повернуть. Они повернут, а я, как дурак, выстояв, грубо говоря, очередь, проеду прямо. Хотя, может быть, так и лучше... Ибо я сразу высвечу своих преследователей, и они, возможно, застрянут здесь дольше, чем я. Хотя скорее бы до конторы добраться, а там все решать с помощью охранников. Здесь я в машине блокирован. И вполне могут просто подойти, пешком. Если наглости хватит... Мне, к сожалению, даже защититься нечем, кроме кулаков. Но они у меня хорошо поставлены. Правда, кулаки, как правило, бывают бесполезны, если подойдут близко и приставят к голове пистолет...

Я стоял, зажатый сзади и спереди, и ждал. И во второй ряд переехать уже было нельзя, потому что он оказался занятым. Причем только-только, в последний момент в него втиснулся маленький «мерин»² класса А, а за ним никого не было... При лучшем раскладе, если в левом ряду двинутся раньше, я успею за «мерином» свернуть и проехать прямо. Для этого надо только одно. Чтобы за ним во втором ряду очереди не выстроилось.

Я смотрел в зеркало на второй ряд. Видел, как издалека приближается машина, бросал взгляды на светофор, который вот-вот должен был засветиться зеленым окошечком, и вовремя увидел, как из третьего ряда вдруг вынырнул тот самый «Гольф» с новыми преследователями. У меня возможности выехать вообще не было никакой, ни в одну сторону: встречная полоса отделена не просто сплошной разделительной линией, как на других дорогах, но и узким газончиком с высоким бордюром, недоступным для низкопрофильных колес моей «Мазды». Да и для серьезного внедорожника бордюр оказался бы высоковатым. Разве что «Хаммер» смог бы с ним справиться, потому что не имеет низких обвесов. Оставалось только надеяться на удачу...

Я отстегнул ремень, приготовившись выскочить из машины, как только «Гольф» приблизится. Но тот ко мне не подъехал. В правое зеркало я хорошо видел, как он остановился рядом со «Шкодой Фабия», из окна заднего сиденья высунулось два автоматных ствола, и раздалась резкие короткие очереди. Из «Гольфа» расстреливали моих преследователей. Значит, «Гольф» преследовал не меня, а «Шкоду». Но я и «Шкода» были в данный момент взаимосвязаны. Почему-то я ждал, что такие же очереди могут через минуту раздаться и в сторону моей новенькой «Мазды», и приготовился открыть дверцу, чтобы вывалиться из машины влево.

Но в зеркало смотреть продолжал, чтобы не пропустить момент. Мне показалось, что человек на переднем пассажирском сиденье мне слегка знаком. Но узнать его до конца я не смог. Автомобильное зеркало слишком мало, чтобы пристально рассматривать человека, да еще в такой обстановке.

Зеленый сигнал светофора загорелся вовремя, машины впереди меня плавно тронулись, а во втором ряду не просто тронулись, а рванули подальше от выстрелов, поскольку вперед

² «Мерин» (жарг.) – «Мерседес».

ехать им никто не мешал. И «Гольф» тут же помчался стремительно. Мимо меня, куда-то подальше...

А я, тоже машинально тронувшись в общем потоке, все еще держал левую руку на замке дверцы, готовый открыть ее и выпрыгнуть из машины. Оцепенение прошло только после того, как я выехал на перекресток и нажал на педаль газа, чтобы не повернуть, как все, налево, а проехать прямо.

Зеркало заднего вида показывало мне, как поток машин объезжал застывшую на месте «Шкоду Фабия». Никто не желал быть свидетелем, никто не хотел даже глянуть, живы ли те четверо в машине... Остановиться – значит поставить себя под угрозу точно такого же расстрела. Не желал этого, по вполне понятным причинам, и я.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВАЛЕРИЙ СТАДНЮК, КАПИТАН, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА

Такие дела никто не любит. Слишком мала перспектива раскрытия. Но я как раз только появился в своем кабинете, и мне выпало выезжать на происшествие вместе с дежурной следственной бригадой. Причем сообщили о нем даже не свидетели, как чаще бывает, а парни из ДПС³, прибывшие на место перестрелки, судя по всему, через десять минут после нее. Значит, и свидетелей отыскать будет трудно, если вообще возможно будет найти...

Правда, один из пострадавших остался жив и с многочисленными пулевыми ранениями был доставлен в больницу. Может, выкарабкается... Хотя этот, хочется надеяться, даст показания. Я сразу послал лейтенанта Костю Суглобова в больницу, чтобы сидел там безвылазно и смог провести допрос при первом удобном случае.

Москва в эти часы всегда бывает тяжелым по характеру городом. И доехать до места перестрелки трудно. Пешком дойти, может, быстрее получилось бы. Мы еле-еле ползли по улицам, несмотря на включенную мигалку и звуковой сигнал, но машины стояли так плотно, что даже по встречной полосе движения проскочить было невозможно. Как только «Скорая» сумела успеть туда вовремя? И даже раненого вывезла.

Уже в дороге я принял сообщение из управления административного округа. Пострадало еще три машины со встречной полосы движения. Шальные пули. Водители сразу предпочли смотаться с места преступления, но в страховые компании им все равно придется обращаться, следовательно, нужна будет справка от нас. Потому только и позвонили. И сами обещали приехать. Но лучше было бы, если бы я допросил их уже после первичного осмотра на месте преступления. У меня наверняка появятся наводящие вопросы.

«Сигналка» мигала, сирена нудно подвывала, машина без конца дергалась и продвигалась вперед короткими рывками. Это злило, мысли в голове вставали нехорошие, злые, активные... Вообще-то автоматные очереди в светлое время на оживленной улице – это очевидный беспредел. Его следует пресекать сразу и жестко, в корне, чтобы не было желания повторить... Эту истину я усвоил давно...

Я не застал тех времен, когда стрельба из автоматического оружия в центре Москвы считалась явлением привычным. Вернее, я не застал их сотрудником милиции. В начале девяностых еще в армии служил и не думал никогда, что в менты подамся, пока не столкнулся лицом к лицу с тем, что вокруг начало твориться. Как на гражданке, так и в армии. И только чувство самосохранения, сработавшее однажды, что-то перевернуло в сознании и сделало из меня, тогдашнего солдата-срочника, мента в душе.

Я не говорю уже о том, как служили мы, тогда молодые солдаты, полуголодные и частенько побитые. Не так чтобы слишком, но все же доставалось нам. Хлебнули и от «стариков», и от офицеров, и от вороватых прапорщиков-кладовщиков, все солдатское считающих своим собственным, начиная с того, чем солдат кормить полагается. И потому они сами, в то время когда жалование месяцами не получали, хари необхватные отъедали, а жены у прапорщиков вообще в свиноматок превратились. Конечно, грех всех огульно оговаривать... Но, по крайней мере, запомнил жен прапорщиков нашей части – сам имел удовольствие лицезреть их

³ ДПС – дорожная патрульная служба.

недовольные брезгливые физиономии с заплывшими глазами, когда нас гоняли работать «по хозяйству». Времена такие были, как говорят, но против них раздражение нарастало постоянно и неуклонно, и по сей день не проходит.

Мы тогда занимались охраной военных складов. Рутинная служба, достаточно простая, не требующая особого обучения. Наша часть стояла в Ставропольском крае, недалеко от границы с беспокойной Чечней, но с сепаратистами война тогда еще не началась, однако всех кавказцев, что встречались в городке, мы, да и все остальные, называли почему-то чеченами. И все ЧП, что происходили в части, привычно списывали на них. А ЧП у нас случались регулярно. И солдаты пропадали. Только на моей памяти – трое... Их, вообще-то, дезертирами объявили. Может, это и так, но поговаривали, что их в рабство похитили. В горы... Даже ходил слухок, что командиры солдат продавали... И потому на своих офицеров мы с опаской поглядывали, а то и с ненавистью.

И склады у нас регулярно обворовывали. Тоже чечен обвиняли даже тогда, когда никого из кавказцев близко не показывалось. А когда появились, солдатская молва шепотом передавала сведения о том, что чечены почти открыто приезжали на склады, и их машины загружали по приказу кладовщиков всем, что требовалось. В том числе и нашими продуктами. Солдатам оставалось только вздыхать и готовить на ремнях новые дырки – животы подтягивало. Пожаловаться было некому, потому что и военная прокуратура подпитывалась с тех же складов.

Тогда вот у меня впервые и появилась мысль о том, чтобы стать ментом. Сначала даже хотелось стать военным прокурором, чтобы и за своими следаками следить, и каждого, отслужившего в должности прапорщика-кладовщика хотя бы полгода, сразу сажать минимум лет на пять.

У себя в Москве я был далек от того, что происходило вокруг. Не тем занят был. Меня больше мотоцикл интересовал, чем все остальное, что в мире и в стране происходит. А ребята рассказывали, что и на гражданке творится то же самое, причем повсеместно... Порядок, конечно, с гражданской жизни следовало наводить, потому что армия только отражает, как в кривом зеркале, гражданские гримасы. Это я понимал.

– С беспределом этим поганым можно бороться только беспределом... – такая мысль повторялась многими и буквально висела в воздухе. – Автомат бы в зубы, и... Порядок наводить... По всем улицам, по всем администрациям...

А потом мне самому довелось столкнуться с этим самым беспределом...

У нас убили на посту двух солдат-часовых. Просто нож воткнули в горло одному, другому – и все... Первого – около въезда на территорию склада, второго – возле самого склада. И украли восемь гранатометов «РПГ-7» с запасом гранат. И никого, даже следователей военной прокуратуры, не смутил тот факт, что второй часовой был убит около оружейного склада. А у склада боеприпасов стоял совсем другой часовой, который ничего не видел и не слышал, и замок на складских воротах висел на месте целый и невредимый, и пломба на тех же воротах была цела. Как запас гранат оказался перенесенным из одного склада в другой, где ему вообще находиться не положено, осталось загадкой. Вот такие удивительные вещи тогда творились.

После убийства часовых нас всех долго дополнительно инструктировали. Командир роты капитан Усинчук, которому из-за этого происшествия не дали очередное звание, вообще лютывал и пил больше обычного. Гонял нас по уставам караульной службы так, как никогда раньше.

Когда сам командир роты уставал, срывал голос или просто выпить хотел, что с ним часто бывало, он поручал «старикам» натаскивать «молодежь». Те старались активно. Кто неправильно ответит – тридцать раз от пола отжаться. Кто отжаться больше десяти раз не может, а таких большинство, – десять раз по десять отжиманий с небольшим перерывом... Кто больше двадцати отжаться не может – десять раз по двадцать отжиманий с перерывом чуть поменьше... Инструктаж повторялся перед каждым нарядом... От таких процедур руки сначала гудели, потом привыкли, и норма в тридцать отжиманий казалась сравнительно небольшой в сравне-

нии с выученным уставом. Мышцы накачать можно быстрее, чем выучить дурацкий устав... Для большинства... Я, впрочем, устав легко освоил.

Так месяц тянулось, потом страсти стали стихать. Убийц солдат и грабителей склада, конечно же, не нашли, как всегда. А вскоре и нашему взводу выпало идти во внешний караул на те самые склады с вооружением и с боеприпасами. Командир взвода лейтенант Козлов, как обычно, – начальником караула, замкомвзвода – разводящим...

На посту почему-то всегда хочется спать больше, чем в бодрствующей смене – хоть спички между веками вставляй. Особенно когда на пост заступаешь уже под утро, в последнюю темную смену. Потом, когда рассветет, в сон уже так не клонит. И приходится безостановочно ходить, лишь бы стоя не уснуть. Чтобы кто-то на ходу засыпал – я лично не слышал, хотя сам иногда был недалеко от этого. Я ходил, как и полагается, вокруг трех длинных блокгаузов, светил фонариком на замки складских ворот, на решетки вентиляционных незастекленных окон и зевал так, что челюстям было больно. И после очередного громкого зевка слышал вдруг звук двигателя автомашины. Кто-то, кажется, подъехал к воротам. Ветер устойчиво тянул как раз со стороны дороги. И я отчетливо услышал, как машина у въезда остановилась. А изда- лека, откуда-то со стороны, еще шум двигателя доносился. В безветрие его услышать, навер- ное, и невозможно было. А сейчас ветер звуки приносил явственные. Днем, естественно, это совсем бы меня не насторожило. Но ночью, в отсутствие кладовщика... Сомнение взяло силь- ное. Конечно, одна машина – это мог быть и проверяющий. Нам говорили, чтобы ждали их, потому что после ЧП «ревизоры» любят приезжать чаще. Но звук двигателя второй машины меня смутил – проверяющие не ездят на грузовиках.

И что-то заставило меня уйти с открытого места в кусты, присесть там на колено, опу- стить предохранитель и затвор автомата передернуть. Страх ли, хотя сейчас кажется, что его я тогда не испытывал, воспоминание ли о происшествии месячной давности, когда были убиты парни, которых я мельком знал... Я ждал... Вскоре и шаги послышались. Шли не разговаривая. Согласно уставу, я должен был спросить стандартное: «Стой, кто идет?» Но я опять устав нару- шил и спросить не поспешил. И увидел, как на открытое место перед складскими воротами в двадцати метрах от меня вышел сначала один человек, осмотрелся, за ним вышли еще четверо. Все в камуфляжке, в армейских кепочках. Погоны в ночном сумраке не разобрать, но похожи на офицеров. И в то же время не похожи. Даже не пойму чем, но непохожими показались. А вот повязки разводящего или начальника караула я ни у кого на рукаве не увидел. Глаза у меня уже не закрывались, как раньше, произвольно, я, кажется, даже мигать перестал. Я смотрел на них, они оглядывались.

– Куда он, сволочь, запропастился? – спросил один, что первым вышел, и я узнал харак- терную пропитую хрипотцу нашего командира роты капитана Усинчука. – Спит, что ли, где?

– Давай быстрее, открывай, – сказал голос с откровенным кавказским акцентом. – Машина подходит.

Я тоже слышал, что машина подходит. Грузовик.

– К бабе убежал, – сказал другой голос. Акцент был похож на первый. – Плох тот солдат, что к бабам с поста не бежит. Я сам, когда служил, с караула бегал.

– Начнешь грузить, а он выскочит, даст очередь... – Усинчук явно хотел меня найти.

– Я же говорю, в общежитие ускакал, – настаивал голос. – Здесь до женской общаги не больше километра.

– Я ему завтра так ускачу, что маму родную забудет. И радоваться не будет, что жив, сука, остался. – Голос капитана от злости стал более хриплым, чем обычно.

Один из пришедших шагнул к воротам, вытащил из-под куртки монтировку и вставил ее в навесной наружный замок. Придавил с усилием. Замок слетел легко и быстро, с легким звоном.

– Смотрите по сторонам, – предупредил капитан. – Как бы часовой не показался.

Но по сторонам они смотреть не стали, все сгрудились у ворот. Кучкой стояли, внутренний замок выламывали. Я поднял автомат. Стрелял так, как учил нас сам капитан Усинчук, короткими очередями по три патрона, как плеткой бил. И в первого – в Усинчука. Потом в того, что замок взламывал. Но трое успели среагировать. Один из пистолета несколько раз выстрелил в мою сторону. Кусты над головой и сбоку срезал пулями. По звуку, бандюга, определил, откуда я стреляю, но чуть-чуть ошибся. У меня автомат был с пламегасителем, и огненного мазка по ночному воздуху видно не было. Двое других побежали вдоль склада, чтобы за углом скрыться.

...А это оказалось совсем не так страшно, когда в тебя стреляют, потому что ты сам можешь ответить. Вообще, как я потом вспомнил, весь страх пропал, как только я на спусковой крючок нажал. Я сразу сильным себя почувствовал. И ответил на пистолетные выстрелы очередью в грудь. А потом уже спокойно расстрелял бегущих, не дав им за угол спрятаться. Потом уже узнал, что всех бил наповал. Даже раненого не осталось.

Поднялась тревога. А я успел еще и в машину, разворачивающуюся перед складом, три очереди дать. Но в водителя не попал. Грузовик поехал было, но тут уже от другого склада часовой мне на выручку прибежал. Он машину расстреливал даже после того, как она в дерево въехала. Просто с испугу. Никто из нас не был по большому счету готовым к тому, чтобы стрелять в людей... Но действовали мы правильно.

* * *

Я тупо стоял перед складом, держа автомат за еще теплый ствол, и не смотрел на поднимающуюся вокруг суету. В голове заново прокручивались картины происшедшего. Я не понимал, что натворил, прав был или виноват... Я еще сильно сомневался в своих действиях, и руки у меня ходуном ходили, словно я кур воровал. И только тогда успокоился, когда узнал, что бандиты убили часового у ворот. Ножом в горло, как и в прошлый раз. И меня спасло только то, что я спрятался, услышав звук двигателя. Наш командир роты, должно быть, подходил к часовому и издали называл себя. Какой солдат будет вызывать начальника караула, то есть командира взвода, когда подходит командир роты? Усинчук этим и пользовался. И я был бы обречен, если бы, как и требовал устав караульной службы, спросил: «Стой! Кто идет?» Я не имел права подпустить к объекту даже командира роты, если с ним нет начальника караула или разводящего. Но капитан Усинчук хорошо понимал психологию солдата. И был уверен, что его-то никто не заподозрит.

Усинчук торговал складским вооружением. Зарабатывал себе на выпивку, в то время когда по полгода не платили жалованье. И за жизни солдат, наверное, тоже что-то получал. А ведь он, помнится, с возмущением спрашивал у нас после первого случая:

– Что я должен матерям убитых писать? Что? Что их сыновья ротозеи и сами виноваты в собственной гибели? И вас, разгильдяев, как овец перережут, что я писать буду?..

Не знаю, что он писал матерям убитых... Но виновный определенным образом. Опять беспредел, да еще какой...

И я ответ на это тоже, если разобраться, беспределом шарахнул. И моя реакция оказалась очень действенной... Не среагируй я так, неизвестно, сколько бы еще солдат нашли потом на посту с перерезанным горлом...

Вот тогда я и понял, как с тем, что вокруг творится, бороться можно. Причем теми же методами, что беспределышки себе позволяют.

Начальник караула прибыл быстро. Понял все. И предупредил меня строго:

– Нюни не распускай! Запомни, Стаднюк... Допрашивать будут – не говори, как было. Затаскают по следствиям и судам, не отмажешься. Говори, что действовал по уставу. И вопрос задал, и пытался вызвать начальника караула, а в тебя стрелять начали. Они стрелять начали.

Пусть следаки сами пули ищут. Я других часовых предупрежу, что они сначала пистолетные выстрелы слышали.

Так я и сделал. Сказал, что совершал обход вокруг складских зданий и издали увидел людей около склада. Командира роты не узнал. Хотел поднять тревогу, а в меня сразу выстрелили. И тогда только я ответил.

Дело закончилось для меня благополучно. Комбата нашего сняли, куда-то в захолустный гарнизон отправили. Прислали нового, со стороны, потому что местным уже не доверяли. А наш командир взвода лейтенант Козлов получил звание старшего лейтенанта и стал командиром роты вместо Усинчука. За проявленную бдительность меня наградили десятидневным отпуском... Правда, домой я смог поехать только через восемь месяцев, когда в финчасти появились деньги.

Но дослуживал я героем. Даже «старики» со мной после этого случая общались с повышенной осторожностью, как с особо опасным объектом. После демобилизации я поступил в Высшую школу милиции. Без сомнения пошел именно туда. И службу начал сразу с уголовного розыска. Непонятно как, но история с расстрелом командира роты и чеченских бандитов стала известна даже среди ментов. И это, что, впрочем, совсем не странно, помогало продвигаться по службе. Репутация твердого и решительного человека укрепилась за мной крепко. В ментовке такое любят.

Самое интересное, что эта легенда самому очень нравилась. Она меня поддерживала в трудную минуту. Я думал о том, что скажут обо мне, и это помогало в работе. Про меня говорили, что на любое самое опасное дело иду без сомнения, и я шел, чтобы соответствовать своей репутации. Одно тащило за собой другое... Паровозом.

* * *

Наконец-то мы подъехали к месту происшествия. Патруль ДПС перекрыл движение на участке, и мы по третьей полосе встречного движения свободно преодолели целый квартал до места. Старенькая «Шкода Фабия» была продырявлена, как дуршлаг. Три трупа в машине... Два на переднем сиденье, один на заднем. Видимо, на заднем сиденье дальнего от автоматчиков парня защитил в какой-то мере передний, часть пуль на себя принял. При такой расстановке тел была надежда, что его не сильно продырявили. Может, даст показания даже сегодня.

Пока разворачивали свои чемоданчики эксперты, я вытащил мобильник и набрал номер лейтенанта Суглобова, отправленного в больницу к пациенту.

– Костя, ты уже на месте?

– В ординаторской сижу. Чай с вареньем пью. Объясняю очень симпатичной врачихе, насколько она себя недооценивает... Хорошо попросишь, я тебя с ней познакомлю.

– Как клиент?

– Здоров, как лось... Две пули прошли по касательной, чуть-чуть порвали грудные мышцы, одна оторвала кончик носа – он у него слишком длинным оказался. И две фаланги указательного пальца на правой руке оторвало. Теперь стрелять не сможет. А в остальном ничего с ним не случилось. В госпитализации не нуждается. Разве что в психушке... Перепуган... Палец и нос ему уже зашили, грудь заклеивают пластырем. Я вызвал наряд, чтобы в управление его отправить. Там допросим.

– Хорошо, следи за ним.

– Я его уже припугнул. Сказал, что сейчас самое безопасное место для него – это у нас в камере. Там, кроме тебя, его никто не убьет. А вот в любом другом месте добьют обязательно, хотя бы как свидетеля. Или даже просто из спортивного интереса, если стрелял человек основательный, трепетно любящий свою работу...

– Добро... Вези, как приеду, допрошу.

ВАДИМ АВЕДОВ, КАПИТАН В ОТСТАВКЕ, СПЕЦНАЗ ГРУ

Что обо мне забыли сослуживцы – это, наверное, чем-то и хорошо. Ничто не напоминало мне о былых днях, когда я был здоров и тверд. Хотя иногда обида язвочкой где-то в желудке тянула – никто за два года не приехал навестить, узнать, как дела обстоят. Правда, звонили на мобильник, поскольку городского телефона у меня сначала не было, его только позже с большими пробежками по инстанциям поставили. Военкомат помог. Но я никому тот номер не давал. А номер мобильного у хороших моих друзей по службе был. Они звонили в основном в самом начале, после госпиталя и комиссии, чтобы посочувствовать. Потом все реже и реже. В последний год уже и не вспоминали. Вру, в новогоднюю ночь было... Поздравляли, желали, и все прочее... Четыре звонка сразу... А потом – забыли. А ведь были друзья... Но, в принципе, от Моздока до Тамбова, а уж тем более до домика в деревне, о котором сослуживцы не знали, далековато, и не всегда путь мимо лежит. Кому в отпуск выпадет в столицу ехать, могли бы заглянуть, но у нас, офицеров, москвичей и не было. Большею частью – сибиряки и уральцы. Им до дома в другую сторону ехать. Да и от Москвы до Тамбова хотя и не так далеко, как до Моздока, все же не ближний путь. Считаю, семь сотен верст.

Нет, не стоит обижаться... А солдаты... Даже те, кто поближе живет... Были, помнится, такие, хотя всех адресов я просто и знать не обязан. Что – солдаты? Им-то я другом не приходился... Командиром был, кажется, хорошим, никого, знаю точно, не обижал, потому что это вообще не в моих привычках – власть доставшуюся без надобности показывать. А солдаты такое отношение понимают и принимают. Когда следовало приказать – я приказывал, и никто не возражал. Если можно было просто сказать или понудить – я и этим обходился. И ко мне хорошо относились. Но ведь такое отношение не заставит разыскивать человека, чтобы повидаться. Заставляет только нужда. А кому я, хромым, нужен?..

Первое время мне в самом деле трудно было. Морально даже более трудно, чем физически. С непривычки. Я каждый взгляд на улице ловил. Казалось, все смотрят на такого молодого и хромящего. Палочку я презрел и не желал с ней ходить. Превозмогая боль, просто шагал, хотя хромоту скрыть не мог... Зубами скрипел, но как можно больше шагал, чтобы ногу разработать... А вечерами плакать хотелось, только слез не было... Одна обида – но сам не знал, на кого... Получи я ранение в тяжелом бою – это переносилось бы легче. А шальная предсмертная очередь какого-то перепуганного дурня – и вся жизнь насмарку. Как это перенести?..

– Ты-то готов хоть к этому был. А если бы солдат какой-то на твоём месте оказался? – тихо спрашивала жена.

Она знала, как меня утешить. Я рад был, что пуля мне досталась, а не кому-то, кто рядом со мной был, не солдату, командиру взвода или кому-то еще, мне подчиненному, за кого я ответственность несу.

Жена помогала и поддерживала как могла, даже на другую работу перевелась, чтобы со мной больше рядом находиться. Трудно нам жилось. Но она старалась, не подавала вида, что ей не менее трудно, чем мне. И Берсерк помогал. Хвостом купированным махал, в глаза заглядывал, понять мое состояние старался. С ним, говоря честно, вообще раскисать и даже просто давать себе послабление было нельзя. Он сам по себе натура серьезная и мужественная. И не простил бы, стань я слабым. Мне, помнится, рассказывали про одного известного российского каскадера, актера и режиссера, который держит дома мастифа и алабая. Гуляет с собаками по очереди. Сначала с громадным мастифом. Обыкновенно, на поводке его водит. Потом идет гулять с алабаем и надевает на плечи рюкзак с камнями, чтобы алабай его не уронил и не утащил. Слишком сильный пес, чтобы с ним справиться, имея собственный небольшой вес.

Вообще-то порода послушная. Но только до времени. Есть известное определение разницы между алабаем и немецкой овчаркой. Лежит на кухне кусок мяса. Овчарка видит мясо, думает: «Какая вкуснотища... Но – нельзя, хозяин уши надерет...» Алабай видит мясо и думает: «Какая вкуснотища... Но – нельзя, хозяин уши надерет... Да хрен с ними, с этими ушами...» В этом весь алабай... Он умнейший от природы пес, но выполняет команды только тогда, когда видит в них целесообразность. И при солидных размерах, которые заставляют любую другую собаку прогуливаться размеренно и неторопливо, слишком много силы в алабае, чтобы быть послушным. Энергия требует выхода, иначе пес скиснет и станет рыхлым. А рыхлый алабай – это уже не алабай будет, а сенбернар какой-нибудь, способный только гавкать и уступать дорогу кавказской овчарке, которую настоящий алабай обычно давит, потому что сам вожак и не терпит рядом с собой соперника. Алабай уступает обычно только другому алабаю и хозяину, если хозяин себя сразу правильно поставит.

Прогулки с Берсерком доставляли мне больше всего боли. Но я терпел точно так же, как умел терпеть он. А он своим презрением к боли не только славится, он даже мешает обнаружить какую-то собачью болезнь, если она вдруг подойдет. Ничем свои неприятности не выдает. Натура такая. И мы с ним друг друга мужественностью поддерживали. Каждый рывок поводка болью в ногу отдавался. Каждая собака, показавшаяся из-за угла, еще до того, как Берсерк ее увидит, вызывала во мне судорожное напряжение всех мышц – все-таки алабай пес бойцовский, и пропустить чужую собаку равнодушно было выше его сил. Но от меня это требовало мобилизации всех сил, и физических, чтобы удержать Берсерка, и моральных, чтобы устоять на ногах и не застонать.

Берсерк заставлял меня быть сильным. Так я крепчал и выздоравливал. И даже к хромоте своей привыкал. Опять же, Берсерк заставил меня снова сесть за руль. Выпрямленная нога у меня практически не болела без нагрузки. Но в согнутом положении боль первое время была непроходящей. Нержавеющая сталь соприкасалась с живой костью. Они никак не хотели признавать друг в друге родственников. И мешали друг другу. Следовательно, и мне... Но стоя можно ездить только в общественном транспорте. В машине же, тем более за рулем, боль приходилось терпеть каждую минуту. Но дом в деревне – сто тридцать километров от города, купленный специально ради Берсерка, звал нас. И я привыкал к машине заново. Одно утешало – с такой болью никогда не уснешь за рулем. А остальное все можно и перетерпеть. И я начал ездить по городу. Двадцать минут. На следующий день – в два раза больше, потом – час... Привыкал...

Стоило обернуться, Берсерк лез лизнуть в нос. Казалось, он понимал мои трудности и поддерживал. Кто знает, может, так все и было в действительности. Берсерк даже в зеркало смотреть научился. Его место – всегда на заднем сиденье моей «Шевроле-Нивы». А собаке недостаточно видеть затылок хозяина, собаке надо в глаза смотреть. И он глядел через зеркало. Наблюдал за мной, за выражением лица. И что-то читал во взгляде.

Так, при поддержке жены и собаки, я начал приходить в себя. И даже целое лето в деревне ежедневно совершал с Берсерком многочасовые прогулки по окрестным лесам. Ходил, чувствуя, как нержавеющая сталь и кость начинают привыкать друг к другу...

* * *

В этом году весна встала ранняя, почки на деревьях распустились не в срок, и синоптики не обещали сильных внезапных холодов, по крайней мере, долговременных, потому поехать в деревню захотелось раньше. Впрочем, даже если бы синоптики и холода обещали, мы бы все равно поехали, поскольку печь растопить я умел, а дрова были запасены еще с прошлого года и, наверное, за зиму выморозились основательно и совсем подсохли. Но у дочери занятия в школе не кончились, и жена, естественно, в городе вынуждена была остаться, а мы с Берсерком,

уставшие от городской суеты, уехали. Обещали дом к приезду женской половины подготовить, огород вскопать. На это нам выделили месяц. Берсерк был рад несказанно. Большой двор, по которому он мог бегать без поводка, быстро, как и в прежние годы, стал привычной охранной зоной. Гулять мы ходили в недалекий лес, где грибников по сезону еще не появлялось, и потому некому было пугаться моего пса. На это у нас каждый день уходило около четырех часов. В остальное время я или варил на электроплитке что-то для себя и Берсерка, или ходил по двору в рабочем халате и с молотком в руках, искал, что еще следует прибить, или же, разрабатывая ногу, вскапывал огород. На лопату давить ногой было больно, лопата – это не педаль газа в автомобиле. Конечно, можно бы и левой ногой давить, но я предпочитал разрабатывать правую. За этим занятием как-то вечером меня и застал неожиданный телефонный звонок.

– Собак... Нам мама звонит... Я пойду поговорю, а ты пока поработай...

Берсерк, как всякий алабай, очень любил копать землю. И хотя поговаривали, что если алабая допустить до огорода, то в нем, кроме алабайчиков, больше ничего не вырастет, я все же допускал его туда, поскольку посажено еще ничего не было.

Мобильник я оставил на столе в комнате и, хромя после лопаты сильнее обычного, поспешил в дом, чтобы ответить. Звонить, как казалось, могла только жена. Хотя только час назад мы с ней говорили. Но – мало ли, что-то еще насущное вспомнила... Вообще-то жена знает, что бегать мне все еще достаточно трудно, и, если я долго не отвечаю, она продолжает звонить, ожидая ответа. В этот раз я не успел дойти до стола, когда звонки кончились. Значит, вспоминала обо мне не жена. Но пользоваться удобствами мобильного я научился давно, и потому посмотрел последний неотвеченный звонок. Номер был незнакомый, тоже с мобильного. Это могла быть просто ошибка – иногда люди путают длинные номера, но я на всякий случай нажал кнопку вызова. Ответили сразу. И, наверное, посмотрели на мой номер, потому что голос с отдаленно знакомыми интонациями назвал меня по имени-отчеству:

– Вадим Палыч?

– Да, я слушаю, – ответил с удивлением.

– Вы меня, наверное, уже не помните... Но вы когда-то говорили нам, чтобы мы друг за друга держались, не теряли друг друга из вида, и... вообще...

Голос звучал натянуто. Слово человек на другом конце провода не уверен был, что попал по адресу, или же сомневался, что пожелаю с ним говорить.

Звонил, конечно, кто-то из моих солдат. Я, бывало, вел с ними такие пространные разговоры. Чтобы они и после окончания службы чувствовали свою кастовость. Спецназ ГРУ – это не мотопехота, даже не ВДВ. Спецназ ГРУ – это элитные войска, равных которым в российской армии пока нет. И солдаты, прошедшие службу в спецназе ГРУ, обязаны понимать свое братство, свою общность, должны и после службы друг с другом общаться и по возможности помогать. Точно так же, как должны это делать офицеры. Но я не говорил так офицерам. Я внушал это солдатам. Значит, звонил солдат. Это было приятно... Кто-то вспомнил, что я *был*.

– Да, говорил так, – сказал я спокойно и с какой-то подступившей вдруг теплотой в груди. Сам еще не понял, что именно принесло эту теплоту и вызвало у меня приятные ощущения. – Кто это? – снова повторил вопрос.

– Берсерк.

В первый момент я, признаться, даже в окно растерянно выглянул, чтобы на своего Берсерка посмотреть, и только потом понял, кто меня разыскал. Я уже и забыл давно о его существовании, зная рядом с собой только четвероногого Берсерка.

– Ой, господи!.. Вот уж неожиданно... Но я рад, что ты объявился. Честное слово, очень рад... Роман, кажется... Я не ошибаюсь? Старший сержант Вершинин?..

– Не ошибаетесь, товарищ капитан... Или вы уже не капитан? Майор, наверное. – Он обрадовался узнаванию еще больше моего.

– Нет, Берсерк, майором я не стал и никогда уже не стану. Ты что, не знаешь ничего?

– Нет. – Голос показал, что Рома растерялся.

– Я расстался с армией в звании капитана. Но ты уволился, кажется, раньше, чем я из госпиталя выписался. Конечно, не знал... Ладно, это не важно. Ты где сейчас?

– В Москве, товарищ капитан. Извините уж, что я с неприятностями своими лезу. Но мне за помощью больше не к кому обратиться... Сложное у меня положение... На голову свалилось.

– А... Я подумал уж, ты в Тамбове... А номер как узнал?

– Это не телефонный разговор... Я умею кое-что узнавать, зря, что ли, у вас учился.

– Ладно, в чем проблема, Берсерк? Проблемы можно ломать.

– Я и... Слегка наломал дров... Похоже, я сейчас в розыске... Только я не виноват...

Я понял, что проблема у Берсерка в самом деле серьезная. С его характером попасть в розыск несложно. Мало ли какие обстоятельства могут быть, когда приходится силой противостоять силе, зная, что ты прав, а доказать свою правоту возможности не имеешь. И помочь Роману я просто обязан. Только как и чем? Я за семьсот с лишним километров от него. Посоветовать что-то по телефону – это смешно.

– Приехать ко мне сможешь?

– Моя машина заметная... Конечно. Смогу, наверное, товарищ капитан. В Тамбов?

– Нет. Я сейчас в деревне...

– Только я вот думаю, что в Тамбове, тем более в деревне, я не смогу решить своих проблем... Спрятаться можно, но не буду же я всю оставшуюся жизнь скрываться. Мне выяснять нужно... И оправдаться... Извините, товарищ капитан, что побеспокоил. – Голос Берсерка сел. – Я просто понадеялся, что вы сейчас случайно где-то недалеко от Москвы оказались.

Решение пришло само собой. Я хорошо вспомнил бескомпромиссный характер Романа Вершинина. И надо сильно его стукнуть, чтобы так изменился голос.

– Я приеду в Москву. Думаю, часов через десять буду там. Номер твой в трубке записан. Я сразу позвоню... Подожди... Мне еще собаку куда-то отправить надо... Не с кем оставить... Наверное, придется домой заехать... Так, давай... Днем в Москву трудно въехать. Значит, приеду утром. Часов в шесть... Проснешься?

– Спасибо, товарищ капитан.

– Удачи. Жди меня.

Было приятно снова чувствовать, что ты кому-то нужен, что кто-то надеется на тебя. Я вновь почувствовал себя командиром роты... И пусть рота моя сейчас состоит только из одного бойца – не имеет значения. Важно то, что я снова стану ответственным за кого-то, как было раньше. От одного этого чувства отступала боль в ноге, покидали мысли о собственной ущербности и ненужности, о бесцельности существования. Я еще не совсем потерял свои боевые кондиции. Конечно, марш-бросок мне сейчас не по силам, но в другой ситуации я остался все тем же капитаном Аведовым, офицером спецназа ГРУ.

И вообще, помочь человеку, когда ему трудно, – разве это не благое дело? Даже незнакомому человеку. А уж про знакомых и говорить нечего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОМАН БЕРСЕРК, ОТСТАВНОЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СПЕЦНАЗА ГРУ

Излишнее возбуждение всегда мешает. Руки, конечно, у меня не дрожат. Я давно уже привык в минуты опасности сохранять внешнее хладнокровие – еще с войны. К опасности легко привыкаешь, если не делаешь из нее божество. Со второго, с третьего боя война становится работой, только делать ее стремишься с большим тщанием, чем обычную, потому что зарплата при ней выплачивается не деньгами, а пулями. Чем тщательнее трудишься, тем пули дальше от тебя летят. Но внутреннее хладнокровие – это совсем иное понятие. В моей, например, ситуации, при сильном возбуждении после обстрела машины за спиной, так и хотелось до отказа вдавить в пол педаль газа, чтобы хотя бы в скорости выплеснуть энергию, kloкочущую в груди. Может быть, и хорошо, что в это время суток по Москве только ползком можно перебираться. Иначе, окажись дорога посвободнее, я мчался бы сломя голову до первого попавшегося столба.

Снимать возбуждение нас когда-то учил хороший человек капитан Аведов. Командир роты понимал, что в таком специфическом бою, который должен вести спецназ ГРУ, хладнокровие внешнее и внутреннее должны совпадать, не создавая диссонанса. Он заботился о том, чтобы каждый солдат стал в бою дееспособной единицей, необходимой в общем ряду. Учил тому, что сам умел хорошо. А успокоить себя просто. Обыкновенным глубоким дыханием. Я подъезжал к конторе и дышал как можно глубже и равномернее. Больше на дыхании концентрировался, чем на движении. И это в итоге помогло. Успокоился. И в контору вошел уже вполне нормально, не бледный и не покрасневшийся. Никто ничего и не увидел. А сам говорить о произошедшем, естественно, никому постороннему не стал. Да и о чем вообще-то говорить, если я и сам не понимал, что произошло. Не в меня, слава богу, стреляли, хотя я тоже представлял собой завидную мишень. Стреляли в моих преследователей... А кто? С какой целью? Темный лес...

Мне вообще не было известно точно, знали ли парни из второй машины, чем занимается на этой дороге первая. Вовсе не обязательно, что я интересовал кого-то в «Гольфе». Их могла интересовать только одна «Шкода». Жалко, что я сразу «Гольф» не обнаружил. Хотелось бы узнать, в каком именно месте он пристроился третьим членом нашей кавалькады.

Но вот это лицо... Человек на переднем пассажирском сиденье «Гольфа»... В профиль я его видел, когда сам он за работой автоматчиков наблюдал. И только в зеркало. Когда «Гольф» мимо меня проскакивал, скорость у него была уже такая, что лицо я разобрать не успел. Я вообще на лицо тогда не смотрел – думал о том, чтобы поймать момент и вовремя из машины выскочить, если попытаются стрелять в меня.

Но потом, задним числом вспоминая все и анализируя, я снова и снова возвращался к этому лицу. Память у меня почти гениальная. Особенно на цифры. Много могу запомнить с одного раза. На лица память чуть-чуть хуже, но тоже неординарная. И знал уже, что я где-то это лицо видел, иначе не вспомнил бы его в такой критический момент... Но, как я ни напрягал ее, как ни насиловал бесполезными потугами, память никак не желала связать человека с каким-то конкретным моментом.

Опыт подсказывал, что в таких случаях действовать следует предельно просто: отпустить память, что называется, в свободный полет. Не думать об этом человеке. В нужный момент лицо само собой встанет в принадлежащий ему ряд.

И еще мне предстояло решить, как себя вести.

* * *

На работе меня ждало довольно скучное занятие. Я уже два дня работал со старой программой нашей фирмы, с простой базой данных складского учета, приспособивая ее к запросам конкретного заказчика, у которого обычный складской учет слегка отличался от общепринятого. Вместо стандартного прихода и ухода товара следовало обеспечить систему автоматического учета замены нового товара на старый и ввода данных в систему сразу со сканера штрих-кодов. Конечно, я понимал, что старый товар уже может и не иметь штрих-кодов, а если они появляются, значит, только что были наклеены, превращая старый товар в новый. Но меня это должно было мало интересовать, поскольку я не ставил себе задачу бороться с «бизнесом по-московски». Меня только сама скучная программа интересовала, и я подгонял ее под запросы клиента. Сложностей никаких не возникало. Вчера я почти закончил работу, осталось только маленькую проблему не решить, а просто просчитать в нескольких вариантах, чтобы выбрать наиболее выгодный, но утром, едва я включил компьютер, мысли сразу стали уходить от программирования к дорожному происшествию. И я никак не мог сосредоточиться.

За два с небольшим года, прошедшие после войны, я разучился себя контролировать. А это было необходимо. И я усилием воли все же заставил себя сосредоточиться на работе. Не сразу, но все-таки удалось. Два часа ушло на просчитывание вариантов, и только после этого я ввел сверенные данные в программный реестр, чтобы обеспечить совместимость с системным реестром любого компьютера, и запустил проверку. Все... Сработало... Гора с плеч. Осталось представить программу заказчику. С этим решением я и решил покинуть контору, предварительно проверив в бухгалтерии оплату проекта. Она была произведена полностью, и потому я смело взял у секретарши заполненные бланки приемо-сдаточных актов, перебрал готовую работу на диск, убрал его в мини-кейс, затем в карман и позвонил заказчику, который, по прежней договоренности, сегодня должен был ждать меня для проверки заказа.

Меня ждали...

* * *

Программа была принята, акт подписан, а я, вместо того чтобы вернуться к себе в контору, неожиданно даже для себя заехал по дороге в интернет-клуб. Более того, я заехал в такой интернет-клуб, который был в стороне от моей прямой дороги. В полутемном помещении сидели за компьютерами несколько мальчишек, играли в сетевые игры. Я заплатил за час работы и выбрал себе компьютер в дальнем углу. Хотелось почему-то видеть входные двери.

Администратор настойчиво желал усадить меня за другую машину, но я упрямо настаивал на своем:

– Я человека жду. И хочу видеть, когда он придет...

– Здесь он сам вас увидит. – Администратор показывал на ближний к двери компьютер.

– Мне необходимо видеть, один он придет или нет. – Я не желал менять решения и говорил серьезным, впечатляющим, если не убеждающим тоном. У меня получается такой тон, и противной стороне, как правило, не хочется со мной спорить.

Видимо, твердость в голосе и во взгляде убедили и его. Администратор, вздохнув и громко «цыкнув», подключил дополнительно ту машину, которую я хотел занять. Может быть, догадался, что я просто не хочу, чтобы кто-то наблюдал за моей работой. Что я там делаю, администратора по большому счету не касалось – заплатил деньги, и работай. Можешь ведро вирусов и канистру спама в сеть выбросить, с него за это не спросят, потому что за всеми клиентами он уследить не в состоянии.

Я уже знал, что мне здесь надо. Я бывал в этом заведении и выбрал именно его потому, что в других клубах на компьютерах обычно не стоят дисководы. Здесь стоят. Правда, сами машины со слабоватой частотой процессора и имеют из всего оборудования только достаточно хорошие видеокарты, чтобы они не тормозили компьютерные игры. Ведь такие клубы именно для игроков и создаются. Я не игрок. У меня задача была конкретная и простая – я захотел узнать как можно больше о своем бывшем командире роты капитане Аведове. Я сам еще не знал точно, зачем мне это может понадобиться. Но мелькнула в голове шальная мысль – а вдруг Вадим Палыч сейчас уже в Москве служит? Вот бы с кем посоветоваться по навалившейся на меня проблеме. Нет среди моих знакомых человека, который был бы лучшим советчиком в вопросе, когда людей среди бела дня у всех на глазах расстреливают из автоматов. Капитан, конечно же, не откажет. Не тот он человек, чтобы отказать своему бывшему солдату в помощи хотя бы советом. Естественно, рисковать и проводить розыски с рабочего компьютера я не хотел, хотя, конечно, изменить свой адрес можно и там, но мешал бы слишком пристальный контроль со стороны нашего системного администратора. Изменение адреса одного из компьютеров сразу будет зарегистрировано сервером. И потому я заехал именно сюда.

Первоначально я просто по «поиску» попытался найти данные о Вадиме Палыче. Вдруг он где-то «засветился», и тогда не стоит ломать копы... Иногда так можно наткнуться на человека, которого никак не ожидал найти. Бывало уже такое.

Но, к сожалению, в этот раз «поиск» результатов не дал. Пришлось десяток минут потратить на то, чтобы найти web-адрес сервера ГРУ, что вызвало некоторые затруднения, поскольку она, как оказалось, единственная спецслужба России, которая не имеет собственного пресс-центра. Но я обошелся другими методами – вставил диск с собственными программами, с помощью одной из них просмотрел несекретную исходящую почту генерального штаба и там нашел нужный адрес. Осталось сделать главное и самое простое. Найти данные на капитана Аведова. Я ввел пароль. И сервер ГРУ, несколько секунд подумав, откликнулся на мое предложение знакомства и податливо позволил мне поинтересоваться данными собственной объемной памяти. Первоначально мне был предложен список управлений и направлений. Среди него без проблем нашел управление кадров ГРУ, открыл папку управления в незащищенном секторе и ввел запрос на Вадима Павловича Аведова, без указания звания и места службы. Ответ пришел вскоре, очень удивил меня и расстроил.

Честно говоря, я не предполагал, что Вадим Палыч в настоящее время окажется небоеспособным инвалидом. Я просмотрел последние данные медицинской карты. Да, это то самое ранение, полученное капитаном на моих глазах, когда я стоял буквально в метре от него, и шальная пуля вполне могла угодить в меня, но выбрала командира роты.

Потом я посмотрел данные на капитана уже после службы, поскольку и такие в картотеке оказались. Не зря говорят, что если человек связал свою жизнь с ГРУ, то это навсегда. Вадим Палыч не выходил из-под контроля военной разведки, и даже были в материалах донесения двух людей, с ним беседовавших. Беседы были проверочными, в чем-то даже провокационными, но лишнего наш бывший командир роты ничего не сказал. Кстати, в этих донесениях я нашел номер домашнего и сотового телефона капитана Аведова. Это как раз то, что мне было нужно.

Я сам не знаю, почему хотелось верить в то, что обращение к капитану Аведову поможет мне разрешить мои проблемы. Просто казалось так, и все. Наверное, потому, что он до сих пор был для меня авторитетом, идеалом и образцом человечности и порядочности. А это не всегда встретишь в человеке с такой боевой подготовкой, какую имеют офицеры спецназа ГРУ. Как правило, она людей огрубляет и очерствляет, делает равнодушными к чужой боли – так мне казалось. Хотя, может быть, я и не прав, потому что и наш командир взвода, помнится, тоже был хорошим человеком...

Я закрыл программу и стер все данные о своей работе.

* * *

На стоянке около конторы я увидел две ментовские машины. Вообще-то, менты были постоянными клиентами нашей фирмы, и удивляться присутствию их здесь не приходилось. Но мне почему-то показалось, что визит сразу двух машин как-то связан с моими сегодняшними неприятностями. И потому, поставив «Мазду» не на привычном месте, а через два дома, на чужой стоянке, я не поспешил пройти в контору, а остался за рулем. И так просидел минут десять, пока из дверей не вышли три человека. Двое уселись в одну машину, третий в другую, и уехали в разные стороны. Только после этого я переехал на свою стоянку.

Охранник Коля Харламов за дверью приветственно поднял руку. Поскольку мы уже здоровались утром, я понял, что он желает нечто сообщить мне. И даже догадался – что.

– Берсерк, ты зачем перекачал из американского банка миллион долларов?

– Я был голоден, – вяло, с неохотой ответил я.

– А теперь тебя менты ищут.

– Ты удостоверение у них проверял?

– Проверял, – подтвердил Харламов.

– Управление «К»?

Управление «К» в МВД занимается компьютерными преступлениями.

– Нет. Просто уголовный розыск. Из административного округа, даже не из МУРа.

– И группу захвата в кабинете оставили?

– Если только пронесли в кармане.

– Понял, Колян, спасибо.

– А что ты натворил? – Харламов рад бы был услышать какую-нибудь захватывающую историю.

– Я разве похож на болтуна? – спросил я в ответ с укором. И прошел на второй этаж в свой кабинет.

У нас в конторе как-то было принято не ходить из кабинета в кабинет даже для того, чтобы сказать пару слов, а беседовать мы предпочитали через компьютер. И я уже до того привык к этому способу общения, что даже не посмотрел себе под ноги. Только усевшись за компьютерный стол и включив сетевой фильтр, увидел, что у порога лежит свернутый вдвое лист, вырванный из блокнота.

В записке был номер мобильного. Текст под номером гласил: «Срочно позвоните! Капитан уголовного розыска Стаднюк».

Раздумывать долго было просто не над чем. Я не знал за собой грехов, за которые следует отвечать. Конечно, странно, что менты сумели добраться до меня. На дороге стояло множество машин. И следовало знать, что расстрелянная «Шкода Фабия» ехала именно за мной, чтобы разыскивать меня так настойчиво. Не предполагал, что менты умеют работать так быстро...

Я набрал номер. И только тут подумал, что пять минут назад прятался от ментов так, словно был в самом деле в чем-то виноват.

ВАЛЕРИЙ СТАДНЮК, КАПИТАН, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА

Лейтенант Суглобов расстарался... К приезду следственной бригады стул перед рабочим столом в моем кабинете оказался занят крепким парнем в окровавленной одежде. По заклеенному вместе с половиной лица носу и большущей повязке на правой руке я без особого труда догадался, что это и есть единственная уцелевшая жертва расстрела «Шкоды Фабия». Сам Суглобов сидел на широком подоконнике и беззаботно мотал ногами. Можно было с разбегу приступить к допросу, но для начала следовало и соответствующее настроение создать, чтобы оно в воздухе витало и помогало нашему гостю правильно отвечать.

– Это ты его так разукрасил? Я же просил тебя сильно не усердствовать... – усевшись за стол, спросил я лейтенанта с легким, но ощутимым укором. – У меня всегда рука дрожит, когда приходится бить по перевязке.

– Не-а... Это Федю без меня, – ответил Костя, вдумчиво растягивая фразу и с удовольствием поддерживая тему. – Я же для начала всегда ноги ломаю, чтоб они вперед человека не убежали. А потом уже все остальное... Стиль работы собственных сотрудников, товарищ капитан, следовало бы знать.

Я наклонился через стол и посмотрел на ноги задержанного. Они оказались без гипса, и меня это, очевидно, устроило.

– Обыскали своего Федю? – спросил я Суглобова. – На предмет того, что нормальные люди в карманах не носят.

– Перочинный ножичек. С маникюрной пилкой. Вроде бы пустячок... Правда, все заточено так, что человека можно, как свинью, зарезать. Только резать долго придется... Я и подумал – а вдруг он садист-маньяк... Ножичек на предмет поиска следов крови на экспертизу отправили... Скоро должны сообщить. Сижу вот, жду, потому что сам Федя брать на себя ничего не хочет и в «признанку» не идет.

– А за что меня вообще арестовали? – голос у Феди подрагивал, хотя заклеенная физиономия пыталась изобразить возмущение, с его точки зрения, законное. Но я уже давно убедился, что наши граждане законов не знают, и этим следовало пользоваться. А переживать Феде было от чего. Выжить после такого массированного обстрела и угодить в лапы к ментам-садистам – что может быть страшнее. Вроде бы и жертва, однако и не только, судя по нашему с ним обращению. И парень терялся в недоумении. Но мне надо было, чтобы он не просто терялся, а боялся. Когда человек трусит, у него подсознание начинает усиленно работать и пробуждает чувство самосохранения, а оно, в свою очередь, заставляет много говорить.

– Отпечатки пальцев? – не обращая внимания на вопрос, спросил я лейтенанта.

– «Прокатали», тоже отправили на идентификацию. С тех пальчиков, которые у него уцелели... Сейчас всю преступную биографию Феди поднимут, где и как он наследил. И тогда уже смело нацепим на него наручники... Главное, товарищ капитан, чтоб они не спутали, как в прошлый раз. А то тогда парня, помните, ни за что тридцать суток в СИЗО⁴ продержали.

Клиент начал, кажется, созреть. По крайней мере, взгляд у него стал бегающим и жалким, брови то хмурились, то на лоб взбирались. Еще немного дожать, и можно будет говорить с ним по существу вопроса.

⁴ СИЗО – следственный изолятор.

Процесс пошел... И только после этого я повернулся к самому парню. Протокол допроса умышленно заполнять не стал, чтобы он понимал неофициальность нашего разговора. В беседе можно многое себе позволить, чего при допросе уже не совершишь.

– Ты пока не арестован, только задержан... Арестованным, Федя, будешь считаться после предъявления обвинения. Через пару дней. Мы долго тянуть не станем. Это не в наших интересах. И без тебя на каждом сотруднике столько дел висит...

– А за что хоть? – Он очень хотел знать, в чем виноват. – Меня чуть не убили, и теперь еще арестовать хотят.

– Сам знаешь... Выкладывай все.

– Что выкладывать? – Федя попытался вздернуть надорванным носом, но это, должно быть, вызвало боль, и он только жалко сморщился.

– Так, значит, начнем по порядку... Про наркоту потом, – сказал я и добавил, обращаясь к лейтенанту Суглобову: – У них в машине пакет с марихуаной нашли. Граммов, пожалуй, триста. Это, понятно, не для личного удовольствия, приторговывали...

Пакета, конечно, никакого не было, и вообще доказать причастность парня к нему, если бы он был, практически невозможно. Но на психику такое сообщение прессом давит. А мне именно этот эффект необходим. Для пущей убедительности я еще и крепко стукнул кулаком по столу, переходя на повышенный тон разговора.

– Я наркотой никогда не баловался. Можете кровь на экспертизу взять.

Федя возмутился настолько слабо, что я понял – он верит в то, что менты приклеят ему обвинение, если не удастся с ними договориться. Это всегда приятно, когда допрашиваемый столь понятлив. И договориться я постараюсь.

– Что нам такая экспертиза даст? Или что она тебе даст? В лаборатории сразу спрашивают, что они найти должны. Что скажу, то и найдут. Сам, наверное, слышал... Меня сейчас другое волнует. Кто вас расстреливал?

Кулак висел в воздухе, раздумывая, куда опуститься.

– Не знаю.

– Твоя беда, что не знаешь, но учти, Федя, что нам ты сказать все равно должен, – вступил в разговор лейтенант Суглобов.

– Я по-другому спрошу. – Теперь я уже постучал кулаком по столу тише, но поднимая кулак значительно ближе к носу задержанного. – За что вам такая честь выпала? Не каждого будут расстреливать спешно и прилюдно.

– Я вообще в машине случайно оказался. Попросили. Для «картинки».

– Для чего? – не понял я.

– Парни... Вован Польди, из нашего дома, он на своей машине был, подъехал, сто баксов обещал, если дня три с ним поезжу. Я еще друга своего взял.

– Просто так поехать?..

– Я ж говорю, для «картинки»... Вид чтобы нарисовать... Вовану кто-то «бабки» кинул, чтоб за парнем каким-то покатался, посмотрел, где тот бывает, с кем «кентуется», в какое время чем занят. Тот Вована засек, тормознул раз, «наехать» сам хотел. Вован не из храбрых. Сорвался с места, потом меня с другом посадил для «картинки». На четверых все ж не рыпнется, как на двоих. И ездили... Второй день катаем... Катали, то есть...

– А ты, стало быть, из храбрых?.. – резонно подсказал лейтенант Суглобов.

– Друган у меня – спец по махаловке... Был. Мы и поехали. Сто баксов лишними не бывают. Сам, наверное, товарищ капитан, от такой работы не отказался бы. Делать ничего не надо, катайся...

Вариант достаточно походил на правду. Особенно когда других версий нет... Попросили кого-то отследить. Тот «хвост» увидел, подстраховался, и результат – налицо. В том числе и на

лице у Феде... Если бы не оставшийся в живых свидетель, невозможно было бы концы найти. По крайней мере, проверку провести следовало срочную, по горячим следам.

– И кого, говоришь, вы «вели»?

– Какой-то компьютерщик-программист, что ли... Польди так говорил.

– Имя! – кулак еще раз красноречиво по столу постучал.

– А я знаю? Показать могу, где живет, где работает. На новенькой синей «Мазде» ездит.

Сегодня с утра его у дома ждали. За ним поехали, и нас...

Какой-то компьютерщик-программист... Такие в компьютерных играх хорошо стреляют, а в жизни они далеко не всегда за себя постоять-то могут. Хотя всякое бывает.

– За сто-то баксов, – оценил Суглобов автоматные очереди. – На похороны доброму человеку не хватит...

– Тому, кого хоронят, это без разницы... – Пострадавший блеснул философским складом ума и глубочайшим знанием жизни.

– Кто заказал слежку, ты, конечно, не знаешь?

– Откуда... Я же говорю, нас просто для «картинки» позвали.

– Если за нос нас водишь, я тебе остатки носа сам отстрелю, – пообещал я. – Поехали, показывай.

* * *

Федя улицу назвал уверенно. Пробки к тому времени почти рассосались, и мы, естественно, с включенными «сигналками», поехали быстрее. Сразу на двух машинах – на всякий случай. Если шмаляют прямо на улице, никого не стесняясь, то и нас точно так же расстрелять не постесняются. Поэтому без подкрепления выезжать опасно. Правда, я не «группу захвата» взял, потому что версия пока только предварительная, и с торопливостью могут на смех поднять, а парней из своего отдела. Но и это уже какая-то подмога. Как раз проехали мимо места, где в это время грузили на эвакуатор расстрелянную «Шкоду».

Я второпях не сориентировался и не подумал уточнить первый адрес, и только когда стали въезжать во двор жилого дома, понял:

– Ты куда же нас привез?

– Здесь он живет.

Я простонал:

– Идиот... Он и днем дома сидит? Или на работе находится?

Федя что-то прошептал под повязку на лице. Мне показалось, он сказал: «Сам идиот!» За такое можно и остатки носа сплющить.

– Чего-чего? – переспросил я грозно.

– А кто, говорю, его знает. Вчера на работе был.

– Разворачиваемся... Куда ехать?

Федя сказал. Дороги еще больше освободились. Теперь быстрее поехали. На месте оказались минут через двадцать.

– Машины нет, – сказал Федя, показывая перевязанной рукой на полупустую служебную парковку. – Он мало выезжает. И ненадолго.

– Будем ждать, – решил я. – А ему машину не прострелили?

Федя плечами пожал:

– А я видел? Он вообще-то от нас, кажется, машины через две-три стоял...

– Если пуля царапнула, – предположил я, – мог машину в сервис отогнать, а сам сидит себе в кабинетике.

– А в него-то зачем стрелять будут? – спросил лейтенант Суглобов.

– Ну, мало ли, – предположил я. – Мы еще не имеем версии, и уж тем более не знаем, в кого и зачем стреляли и...

– И еще будут стрелять, – закончил за меня лейтенант.

Он правильно понимает ситуацию. Если началась стрельба, то она вполне может продолжиться, но тогда уже фигуры будут посолиднее. Естественно, и нам это забот добавит... И по шапке наступают сверху. Поэтому дело раскручивать следует срочно...

* * *

Но даже при том, что дело раскручивать следует срочно, пришлось ждать. Занятие это нужное, но нудное. Однако мы люди привычные. Порой приходится подолгу ждать. Главное, чтобы результат был.

Мне позвонили на мобильник, сообщили, что сначала в соседнее отделение поступило заявление от какого-то гражданина, работавшего сегодня с утра пораньше в своем гараже. Без четверти семь туда вошли трое, стукнули его по голове и угнали из гаража старый «Фольксваген Гольф». Ворота гаража закрыли снаружи на висячий замок. Гражданин, когда пришел в себя, начал кричать и гаечным ключом стучать в ворота изнутри. Стучал долго... На его счастье, сосед в такую рань подошел – где-то без двадцати восемь... Он съездил домой к потерпевшему за дубликатными ключами, потом отвез пострадавшего в больницу, и только после этого – в милицию. Почти одновременно с принятием заявления нашли тот самый «Гольф», из которого расстреливали «Шкоду». В трех кварталах от места происшествия, во дворе какой-то котельной. Одна и та же машина... Два автомата на полу прикрыты чехлом с сиденья... Эксперты ищут отпечатки и вообще все, что можно найти.

Это была еще одна зацепка, которую можно как следует обрабатывать, чтобы всю до капли информацию выжать. Еще не проанализировав факты, я понял, что момент такой, есть где поискать, причем делать это надо быстрее, по горячим следам.

– Перегоните потерпевшего в наше управление. «Прокачайте»-ка этого мужика, – попросил я. – Что он рано утром в гараже мог делать?.. Слишком рано, для того чтобы там работать. Машину должны были угнать загодя, чтобы успеть подготовиться... Не с автоматами же они в гараж пришли. И не на пустое место нагрянули, не наугад. «Прокачайте»... Пошлите кого-нибудь во двор котельной. Пусть ищут свидетелей. Я скоро к вам присоединюсь.

Машина сыска закрутилась. Так всегда бывает – сначала не видишь ни одной зацепки, потом вдруг появляется одна, вторая, третья, и информация сама в руки идет... Подобное притягивается подобным... Без этого принципа Гермеса Трисмегиста, наверное, и сыска бы не существовало. Но принцип работает не только в сыске. Когда чем-то или кем-то начинаешь сильно интересоваться, опять информация начинает поступать отовсюду, из самых неожиданных и случайных источников. Проверено многократно.

Конечно, отдыхать в засаде приятно. Но когда неизвестно, сколько ждать, а время торопит и по горячим следам можно еще что-нибудь накопать, тогда приходится спешить. Я принял решение...

– Пошли, – позвал я Константина. И попросил водителя машины: – За нашим любимым раненым посмотри. Если что, ломай ему ноги. Можешь сразу обе... Стреляй, не стесняйся, ему уже все равно...

С улицы я показал палец сидящим во второй машине. Один человек – со мной.

Вход в офис был без вывески, хотя очень солидная металлическая дверь, инкрустированная деревом, говорила о небедности заведения. Наверное, дверь не просто металлическая, а бронированная, и такую даже гранатометом, пожалуй, не сразу возьмешь... Кодовый замок – для своих, звонок в домофоне и микрофон – для гостей. Все как полагается. За дверью –

охранник. Рядом с охранником – «вертушка»-проходная. В человеческий рост, не перепрыгнешь.

Мы показали удостоверения. Охранник рассматривал их долго и внимательно, причем не только мое, но у всех троих. Только что пальцем по строчкам не водил.

– Читаешь плохо? – раздраженно спросил я. – В школе надо было лучше учиться. Тогда бы сейчас не охранником работал, а начальником охраны, и другими безграмотными командовал.

Охранник на меня посмотрел как на пустое место. Удостоверения его не сильно впечатлили, моя речь вообще осталась без проявления эмоций.

– Что вы хотите?

– Есть у вас тут парень, ездит на синей новенькой «Мазде». Он нам нужен.

– Фамилия...

– Ты что, не знаешь тех, кто в фирме работает? «Мазда» под твоим окном останавливается. Синяя...

Он не ответил на мой вопрос.

– Просто так, по коридорам прогуляться, я вас не пропущу.

Я предпочел не ругаться и не качать права, хотя очень хотелось бы. И вообще хотелось дать охраннику в лоб так, чтобы он хотя бы глазами шевелить начал быстрее.

– Хорошо, начальство у вас на месте?

Я вообще-то так сразу и планировал к начальству пройти, если парня с синей «Мазды» на месте не окажется.

– Минутку, – невозмутимый охранник меня просто бесил. Он неторопливо снял трубку внутреннего телефона и стал кому-то докладывать, что уголовный розыск домогается с непонятными разговорами. Что-то там ответили.

– Подождите у стены. Сейчас за вами спустятся и проводят. Проход не загромождайте. Отойдите...

Дверь как раз открылась, какой-то человек вошел, приложил магнитную карточку к считывающему устройству и спокойно шагнул на лестницу. Да, охране здесь вовсе не нужно было знать сотрудников в лицо. Их техника узнает... Интересно, сколько стоит такая система, и вообще, чем занимается фирма, позволяющая себе ставить такие дорогие навороты. Судя по помещению, людей здесь много работать не может. От силы три десятка человек. Но, видимо, хорошо зарабатывают... Это не ментовка, где не хватает денег на приобретение новых комплектов наручников. Я уже не вспоминаю о приобретении комплекта патронов для учебно-тренировочных стрельб, о которых все давно забыли.

Ждать пришлось больше пяти минут. За нами спустилась очкастая девушка с отвислой нижней губой, посмотрела на охранника, тот молча кивнул в нашу сторону и, видимо, нажал на педаль блокировочного тормоза, освобождая вертушку.

– Проходите за мной. – Девушка двинулась по лестнице на второй этаж. Она не слишком спешила.

Двери в кабинетах тоже были снабжены магнитными замками и могли, как я понял, открываться только с помощью личной карточки. Похоже, здесь блюдетсЯ принцип повышенной секретности работ. Как в режимном учреждении советской поры. Сам я такие не застал по возрасту, но много о них слышал. Впрочем, я не исключил возможной причастности или наследственности этого офиса там самым учреждениям.

Лишь одна из дверей на втором этаже оказалась без магнитного замка. Это была приемная. Очкастая девушка провела нас туда и позвонила в кабинет. Замок щелкнул, и дверь автоматически приоткрылась с помощью какой-то скрытой пружины.

– Проходите, вас ждут...

Кабинет был небольшим, идеально белым, без всяких украшений, соблюдающий деловую функциональность. Грубоватого вида и ростом повыше меня женщина встала из-за компьютерного стола с большой и откровенной неохотой. На нас смотрела, как на надоедливых мелких дворняжек, которые любят около ног вертеться и тявкать. Неприятный взгляд, он часто встречается и всегда меня злит.

– Чем могу помочь?

– Мы разыскиваем вашего сотрудника, который ездит на синей «Мазде»...

– По какому поводу, могу я полюбопытствовать? Он что-то натворил?

– Это не секрет. Он был свидетелем некоего сегодняшнего утреннего происшествия...

– У нас на синей «Мазде» ездит только Берсерк... Простите, Роман Павлович Вершинин...

– А почему Берсерк? – спросил я, заинтересованный такой странной кличкой.

– Так его чаще зовут... Я затрудняюсь ответить на вопрос о происхождении прозвища, но полагаю, что оно отражает характер Романа Павловича. Он добрый человек, но вспыльчивый. Не любит несправедливость.

– А когда мы сможем его застать?

– Я принципиально не контролирую рабочее время своих сотрудников. Они взрослые люди и в состоянии делать это самостоятельно. Оставьте ему записку под дверь. Как появится, он с вами свяжется. Секретарша покажет вам дверь...

На этом разговор закончился. Нам настойчиво показывали, что мы мешаем людям работать. Нам только одним, все считают, никто не мешает, а все помогают!.. Просто бегом бегут, чтобы помочь!..

– Ладно, и на этом спасибо.

Хорошо хоть, записку позволили оставить. А разрешение, видимо, уже считается здесь оказанием содействия органам милиции... Рад бы я был, если бы это заведение когда-нибудь круто «обчистили». Вот тогда они к ментам иначе стали бы относиться. На коленях бы ползали с мольбами об ускорении поиска преступников.

* * *

Я отправил старшего лейтенанта Васю Яковенко с пострадавшим Федей в управление, дав попутно задание «прокачать» по базе данных Вершинина Романа Павловича, а сам хотел вместе с лейтенантом Суглобовым заскочить еще в одно место по совсем другому делу, уже больше месяца висевшему на нашем отделе и почти раскрытому, впрочем, с бедной доказательной базой. Но едва мы успели отъехать, как мне позвонил водитель второй машины.

– Товарищ капитан, Федя говорит, что, кажется, рядом с соседним зданием та самая «Мазда» стояла. Парень этот, похоже, наши машины увидел и в стороне встал... Прячется.

– Понял. Вы в управление катите, а мы возвращаемся...

Прячется только тот, кто имеет весомые причины для этого. Следовательно, у нас есть повод действовать оперативно.

И, поскольку в офис нас пускают неохотно и не сразу, оперативность следует совмещать с фантазией. А вызвать человека из офиса просто. Стоит только дать пинка по колесу его машины. Сработает сигнализация, он выскочит. И можно смело крутить ему руки за спину.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РОМАН БЕРСЕРК, ОТСТАВНОЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СПЕЦНАЗА ГРУ

– Капитан Стаднюк, слушаю, – раздался в трубке хриловатый голос. Мне даже показалось, что злобный голос, хотя его легко спутать с обыкновенной торопливостью занятого человека. А я не люблю делать скоропалительные выводы.

– Моя фамилия Вершинин, – сказал я. – Вы, кажется, хотели со мной встретиться?

– Где вы сейчас? – Капитан говорил так, словно мне уже давным-давно вынесено обвинение, и он, став неожиданно-негаданно судьей, приговор читал.

– У себя в конторе?

– В офисе? – переспросил он.

– У нас не любят слово «офис». Мы зовем свое рабочее место конторой.

– Я хочу с вами встретиться.

Он не сказал, что хорошо бы со мной встретиться, он сказал именно «я хочу». И прозвучало это приказом. Жесткий, видимо, мужик. Хорошо, если при этом умный, а то грубые без ума могут дров наломать и других заставляют в тот же процесс включиться.

– Подъезжайте. Я один в кабинете.

– К вам сложно войти. Спускайтесь на улицу. Поговорим в машине. Мы сейчас недалеко. Через две минуты и спускайтесь.

Последние слова он произнес так, словно мальчику конфетку предлагал или щенка подзывал: «На-на-на...» Вообще-то, они могли бы и подальше уехать. По крайней мере, десять минут прошло, пока я увидел отъезжающие «мусоровозы». Две минуты... Они уже возвращались?

Я убрал трубку в чехол, несколько секунд соображал, оценивая ситуацию, потом подошел к окну и легонько отогнул одну из пластин шторки-жалюзи. Ментовский «уазик» стоял прямо под окнами, а какой-то человек в гражданском осматривал мою «Мазду». Не так чтобы очень внимательно, но с двух шагов. Похоже, искал пулевые отверстия, которыми машина, слава богу, награждена не была.

Тогда почему две минуты? Для чего им нужны две минуты? Готовятся? К чему?

Я отогнул пластину жалюзи чуть больше и увидел, как еще один человек вышел из ментовской машины и направился в сторону тротуара налево. Понятно – блокируют. Этот будет страховать вход в контору, чтобы я не убежал туда. Или вообще станет перекрывать одно из направлений неширокой улицы. Замрет рядом с газетным киоском, сделает вид, что витрину рассматривает и очень интересуется порнушными журналами. Стандарт, дальше которого ментовская фантазия не выходит. Но если этот встанет там, тогда и другое направление, естественно, уже заблокировано... А почему они считают, что я должен убегать?

Это было уже слегка любопытно, хотя и не слишком приятно. И даже похоже на попытку задержания. Хотя для него должны быть какие-то веские причины. Но избежать разговора, если я договорился о встрече, мне уже не удастся. Не надо было звонить. Если меня в чем-то подозревают, а я попытаюсь избежать встречи, подозрения только усилятся. Придется идти.

* * *

Я однажды сам наблюдал на улице момент задержания ментами какого-то парня. Парень даже не сопротивлялся. Ему сразу ударили ногой в голову, потом в пах и только потом стали скручивать на капоте ближайшей машины. Если и эти менты надумают так же обойтись со мной, хотя, кажется, не имеют к этому прямых оснований, как я должен себя вести? Хорошо... И потому я перед выходом заглянул в ремонтную мастерскую, расположенную на нашем этаже, и выпросил два простых алюминиевых уголка по двадцать сантиметров длиной. Уголки я приспособил под рукава, чтобы прикрыть кость предплечья, и закрепил скотчем. Знаю по опыту, как потом неприятно бывает, когда скотч приходится убирать и он рвет волосы с руки. Но ничего не поделаешь – это простейшая мера техники безопасности.

Вторая мера – запись разговора. Диктофон у меня миниатюрный, напоминает авторучку, запись цифровая, то есть улавливает много таких оттенков речи, которые не улавливает пленочный диктофон. И все посторонние звуки, что тоже может оказаться немаловажным. Внимания не привлечет, если будет торчать из кармана пиджака. Вот только включить его следует загодя. Но памяти диктофона хватает на четыре с половиной часа разговора. Этого, наверное, вполне достаточно... Не думаю, что менты намерены потерять столько времени.

Подготовленный таким образом, я мог смело двигать к выходу из конторы. Смело – это с физической стороны. Но раздумья меня все же не покинули, и они движение притормаживали. Скорее это было недоумение... Что могут менты иметь против меня, чтобы так настойчиво домогаться? Конечно, если бы меня желали допросить только как свидетеля сегодняшнего происшествия, они бы не были так настойчивы. Просто позвонили бы и не перекрывали улицу на случай моего желания красиво убежать. Да и как они могли выделить меня среди других свидетелей? Я даже не вплотную к «Шкоде» стоял. Я и не свидетель вовсе. Здесь что-то другое...

В принципе, менты могут что-то иметь против любого человека, которого очень легко подставить чуть не под расстрельную статью, обладая соответствующими навыками и знанием законов. И даже есть, слышал я, особые специалисты по переводу стрелок. Много дел имеют на счету, а сажают за них совсем других людей. Они же только изредка как свидетели проходят. Но это лишь один вариант из множества, и он никак не связывался с сегодняшней стрельбой на дороге. Стоп... Хотя мог и зацепиться... То, что я «прокачал» через ментовскую базу данных номер машины, еще ничего не говорит. Вполне могло статься, что в машине были именно менты, а кто-то их успокоил и «снял с маршрута»... Эти, сегодняшние, вправе предположить, что именно я организовал расстрел. Или дело обстоит еще проще. Если после расстрела кто-то из пассажиров «Шкоды» остался в живых, он сообщил ментам обстоятельства, при которых их машину расстреливали, и такой поворот даст право ментам предполагать во мне организатора расстрела. Этот наиболее вероятный вариант дает ответ еще на один вопрос – как менты вышли на меня так быстро. Им просто сказали, за кем велась слежка.

Вот с этим не совсем страшным обвинением можно пытаться меня задержать, а можно и не отпустить... Все зависит от того, как я себя поведу...

* * *

– Колян, ты человек надежный? – поинтересовался я, остановившись рядом с «вертушкой» охранника.

– Поддержка нужна? Можешь не сомневаться... – Харламов посмотрел серьезно. – Мы все, прошедшие через Чечню, друг друга поддержать готовы.

– Поддержка простая. Я сейчас иду с ментами поболтать. Они там, – кивнул я на дверь. – Тебе в окно видно, что в машине происходит?

– Видно.

– Понаблюдай... Если что-то будет не так, в свидетели пойдешь?

– Против тебя или против них?

– Кому ты поддержку обещаешь?

– Я же сказал, можешь не сомневаться. Меня молчать не заставят...

– Вот это все, о чем я хотел попросить. А если поддержка ментам понадобится, ты, выходит, ничего не видел.

– Только и дел у меня, чтобы в окно смотреть. – Харламов показал книжку, которую читал на службе.

– Порядок.

Я включил диктофон и шагнул к двери...

* * *

Капитан Стаднюк оказался крепким парнем чуть постарше меня, в гражданской одежде. Смотрел он недобрыми глазами и тяжелым испытующим взглядом оценивал мою не слишком впечатляющую фигуру – видимо, составлял общее впечатление.

– Садись... – кивнул он на заднее сиденье «уазика», а сам для себя открыл дверцу переднего пассажирского сиденья. Водителя в машине не было. Наверное, тоже перекрывал возможный путь моего бегства.

На «ты» капитан перешел без обиняков. Это, видимо, привычка. Наверное, предъявлять обвинения и говорить при этом «вы» ему не слишком удобно. Тогда его природная грубость будет спотыкаться. Но у меня тоже есть свои устойчивые привычки. Если мне говорят так вот, без всяких предисловий, «ты», я отвечаю тем же.

– Приглашаешь? Может, и кофе подашь?..

Капитан на это даже не хмыкнул.

На заднем сиденье уже устроился еще кто-то – улыбчивый парень, наверное слегка ехидный, судя по выражению лица, тоже в гражданской одежде, но с пистолетом, оттопыривающим низ куртки-ветровки. Поясная кобура тем и неудобна, что выдаст себя при сидении. В этом отношении подмышечная выигрывает, хотя опытный глаз всегда определит наличие ее по тому, как она перетягивает плечо крепежными ремнями. Подмышечную кобуру у капитана Стаднюка я определил еще на подходе, когда он стоял рядом с машиной.

Я сел и даже дверцу закрыл, чтобы не думали, будто я заранее оставляю себе удобный путь бегства, и не напрягались. Сел и капитан, и сразу вполоборота ко мне повернулся.

– Рассказывай...

– Что именно? – Я старался сохранить невозмутимость.

– Не знаешь?..

– Догадываюсь, но жду наводящих вопросов... – к чему заниматься игрой слов и тянуть время. У меня нет причин скрывать то, что я видел и знаю. Но я, хотя кое-что и видел, практически ничего не знаю. И потому весь мой рассказ может свестись к нескольким предложениям.

– Давай без вопросов... Сначала и... И дальше...

– Можно не соблюдать алфавитный порядок, – сказал парень с заднего сиденья. Правильно я определил по лицу – голос у него достаточно ехидный. Такие любят говорить с подковырками. К месту и не к месту реплики вставляют, лишь бы показать, что и они в разговоре участвуют.

– Ну, если без алфавитного порядка, то начну в хронологическом, – я слегка расслабился и решил перевести весь разговор в тот тон, который задал парень с заднего сиденья. – Три

дня назад я заметил, что за мной ездит «Шкода Фабия». Машина грязная, неприметная, но несколько раз на глаза попала, когда в зеркало смотрел. Мне это не понравилось, и хотелось бы знать, что этим парням надо. Номер я запомнил, позвонил вечером знакомому менту, чтобы «прокачать» владельца машины по вашей базе данных. Вчера утром мне сообщили, что владелец – мелкий «кидала», имеет две с половиной «ходки». Первая – по малолетке, и потому...

– Я знаю, что такое половина, – прервал меня капитан Стаднюк. – Дальше...

А он тон разговора поддерживать не захотел. Капитан предпочел буром переть. Только я из твердой породы сделан. Об меня любой бур может зубья поломать.

– Вчера слежка продолжилась. Сначала два человека было. Потом, когда я остановился, чтобы на них «наехать», они смотрелись, а потом появились уже четвером.

– Оказывается, Федя правдивый человек, – сказал парень с заднего сиденья, явно не ко мне обращаясь. – А по роже не скажешь.

– По роже не говорят, по роже бьют... – сделал вывод капитан.

И обернулся, словно проверить хотел, как на меня такая фраза подействует. Она не подействовала. Я смотрел спокойно и с улыбкой.

– Дальше...

– Дальше вы уже все знаете... Утром они снова за мной приклеились. Я сначала подумал, что теперь они на двух машинах, потому что «Гольф» тоже просчитал... А потом, на светофоре, «Гольф» из ряда выскочил, около «Шкоды» притормозил и расстрелял моих мальчиков... Я в зеркало за ними посматривал. Сам думал, как из ряда выскочить, но я со всех сторон заперт был.

– Дальше...

– Это все... «Гольф» смотался, меня не тронули.

– И ты с чувством выполненного долга поехал работать? – Капитан что-то недоговаривал, как я понял. Я даже усек, что именно он недоговаривает.

– А ты хотел бы, чтобы я выскочил и устроил за «Гольфом» погоню?..

Капитан молчал с минуту. Наконец заговорил, четко и членораздельно, словно взвешивал перед произношением каждое слово по отдельности:

– Слушай сюда внимательно... Ты не дурак, раз программист, и соображать должен. Если сразу все выложишь, я оформлю явку с повинной. Понимаю, что ты не стрелял. Но я хочу знать, кто стрелял... А я всегда узнаю то, что очень хочу узнать...

Мне постановка вопроса не понравилась. Но я уже понял капитана, таких ребят раскусить несложно. Стаднюк догадался, что на меня «повесить» ничего невозможно, и записывал, готовый взорваться. Потому и перешел к откровенным угрозам.

– А сейчас ты просто хочешь или очень хочешь? – спросил я, тоже вполне серьезно показывая, что угрозами меня не прошибешь.

Я не был готов к такому быстрому развитию событий, но реакция сработала. Капитан только вполоборота развернулся и неумело выбросил кулак. Причем бил тыльной стороной кулака. Вообще-то, это хороший удар, только его следует выполнять правильно. Он не умел, а взялся. Но я умел защищаться и просто выставил предплечье, защищенное алюминиевым уголком. Кулак с силой угодил в ребро уголка. Стаднюк должен был взвыть от боли, потому что ему был обеспечен перелом в нескольких костях, но он оказался крепким парнем и только хрипло задышал. Я понимал, что сейчас и второй в схватку ввяжется. Но тот тоже оказался не готов к такому скоротечному развитию событий. Он привык, наверное, людей в кабинете бить или в подвальных камерах и потому начал медленно и неуклюже разворачивать корпус, чтобы сильнее ударить. А в машине совсем иную технику использовать следует. Я ее и использовал – нанес короткий удар левой в нос, не отключающий, но очень болезненный, почти шоковый, и вызывающий сразу сильное кровотечение, и тут же ударил с правой руки локтем в челюсть.

С парнем было на время покончено, но капитан пытался полностью развернуться, одновременно руку под мышку засовывая. Зачем, балбес, лезешь в драку, если драться не умеешь. Разворачивается, убирая кобуру от руки, и пальцы дальше тянет – вдогонку... Но пистолет он вытащить все же может, и потому я, не раздумывая, воспользовался тем, что у меня корпус развернут влево, и ударил теперь уже правым локтем. И даже не самым локтем, а уголком, который до локтя не доставал сантиметра три. Этот удар пришелся в скулу, а правый локоть, уже развернутый корпусом, нанес второй удар, по затылку. Если скула соприкосновение с уголком выдержала, то затылок оказался слабым. Стаднюк ткнулся носом в панель.

Я времени терять не стал, вытащил пистолет у парня с заднего сиденья, обойму из пистолета сунул в карман, потом точно так же поступил с пистолетом капитана – на случай, если они не вовремя очухаются и захотят в спину выстрелить. Мне такое, честно скажу, не нравится. Современные кобуры для скрытного ношения оружия не имеют карманчика для запасных обойм, в отличие от штатных кобур. И это хорошо. Я хотел было выскочить, но тут заметил ключи в замке зажигания. Ключи я, естественно, надумал с собой прихватить. К чему подвергать прохожих на московских улицах риску стать пострадавшими от погони. Правда, капитан в этот момент в себя пришел, увидел, как я за ключами потянулся, и ухватил меня за локоть. Мне только один глаз Стаднюка видно было. Тот, что на меня смотрел. Его я и «погасил» одним ударом. И громадный синяк выступил сразу, я только и успел ключи вытащить. Но после синяка пришлось еще в челюсть «на отключку» добавить. Без уголка, просто кулаком, но резко, с короткого расстояния. По большому счету такой удар может быть более опасным, чем удар с размаха, потому что часто челюсть ломает, в то время когда мощный удар ее выворачивает. Но это капитану за хамство. Теперь долго хамить не будет... Ни мне, ни другим.

Кажется, кто-то из оцепления сообразил, что в «уазике» не все в порядке. Крупный парень бежал издали, но целенаправленно, двумя руками поддерживая живот. И я времени терять не стал. Вышел из «уазика», поправил на себе костюм, галстук подтянул и деловой уверенной походкой направился сразу к своей «Мазде». С противоположной стороны никто еще не бежал, хотя я сразу вычислил и этот пост. Слишком уж откровенно мент в гражданском смотрел на меня. На меня, а не на «уазик». И не понял, должно быть, что дело неладно. Но потом заметил своего бегущего товарища и тоже вперед двинулся – тугодумом оказался.

Но я уже сел в машину. Вот когда пожалел, что наставил противоугонных наворотов. Но действовал я быстро, машина завелась, я развернулся, чуть не сбив подбегающего мента, но успел бросить ему под ноги две похищенные обоймы. Пусть вернет пострадавшим, им и без того досталось. Обоймы, кстати, и внимание отвлекают на случай, если мент стрелять надумает. Но я скорость с места набрал и сразу разорвал дистанцию – он пистолет вытащить не успел, а я был уже далеко. В такой ситуации не постреляешь. А если и пульнешь, то еще неизвестно, в кого попадешь.

Но, поскольку машину они знают, то по ней меня определяют быстро и могут перехватить. Я летел по городу на скорости, чтобы быстрее добраться до нужного места. В Москве вообще редко обращают внимание на обычные ограничения скорости, и никого мое стремительное движение не заинтересовало. А мне проехать надо было всего несколько кварталов. На тихой улочке есть платная стоянка, где дежурят парни, прошедшие, как и я, Чечню. Там и хозяин стоянки тоже в Чечне побывал, только в первую войну. Мы встречались уже здесь, в Москве, а раньше даже знакомы не были. Тем не менее мне твердо обещали, что место для моей машины найдется всегда, хотя обычно мест свободных не бывает.

До стоянки я добрался благополучно, и двое дежурных приняли меня почти с распростертыми объятиями, несмотря на то что я сразу сообщил о крупных неприятностях с ментами. Без подробностей, но сообщил. Правда, с добавкой о своей виновности только в том, что не позволил себя бить. И предупредил, что меня вместе с машиной, возможно, уже ищут. Такое откровение было необходимо для того, чтобы не подводить людей, которые ко мне хорошо отно-

сятся. Они приняли. И даже пообещали машину укрыть брезентовым тентом, чтобы скрыть мою красавицу от проницательных ментовских взглядов.

И еще в одном важном деле пошли мне навстречу. Дежурный с готовностью согласился поменяться со мной мобильниками, понимая, что мой может прослушиваться. И даже не поинтересовался при этом, что я такого натворил, за что менты хотели меня избить. Это было нормальным поведением людей, знающих, что такое риск. Я на их месте тоже не сомневался бы ни минуты.

* * *

Все мои действия были чисто автоматическими. Они и дальше были бы чисто спонтанными, и мысль бы работала так же, где-то в глубинах подсознания моментально выверяя несколько возможных вариантов поведения и выбирая единственный. Так бывает в бою, когда на раздумья времени не отпускается. И только тогда, когда я, выйдя со стоянки, добрался до подземного перехода, где купил в киоске камуфлированный костюм, вполне подходящий к сложившейся вокруг меня обстановке, и точно такой же камуфлированный рюкзак, и потом в первом попавшемся подъезде без кодового замка переодевшись в камуфляжку, остановился и начал думать. Не просто думать, а оценивать обстановку...

Ясно, если менты приехали ко мне на работу, они что-то обо мне знают. Не слишком много, но знают. Однако при всем своем умении работать оперативно, они не вычисляют квартиру, которую я снимаю. Только неделя, как туда перебрался. И никто из соседей меня не знает. Пару раз с какими-то старухами в подъезде встречался, здоровался, но не представлялся. Машину ставил в том же дворе, но у другого дома, чтобы ее было видно из окон. Здесь четыре дома... А двор внутри... И в наш вход совсем с другой стороны... А прописан я, или, как сейчас говорят, зарегистрирован, совсем в другом месте, и на работе знают только номер моего мобильного. Следовательно, дома я могу чувствовать себя свободно, и даже спать не вздрагивая при звуке шагов на лестнице в подъезде. Но что мне дальше делать? С кем посоветоваться?

Есть у меня, не скажу что друзья, просто – товарищи, которые, без сомнения, не сдадут, и даже спрятать при необходимости могут. Но таких, кто способен что-то посоветовать, помочь реально – навскидку и не припомню. Значит, действовать придется в одиночестве. Этого я не боюсь. Нас так наш командир роты учил: каждый боец спецназа ГРУ всегда является самостоятельной боевой единицей, вне зависимости от того, находится он в составе подразделения или бьется в одиночестве. Я и действовал с ментами как самостоятельная боевая единица. Но уметь воевать – этого в моей ситуации мало. Необходимо найти способ, как из нее выпутаться с наименьшими потерями. Здесь нужен мудрый советчик, знающий, как вести себя в такой неоднозначной ситуации, и, кроме того, умеющий лавировать между разными положениями закона... Мне необходимо доказать, что я только защищался. И не превышал мер самообороны. Запись на диктофоне должна послужить тому подтверждением и доказательством моей невиновности. Наверное, и Коля Харламов готов дать показания. Но самому мне соваться сразу в лапы к ментам не следует. Помощник может сделать это безболезненно. Но где его взять?

Командир роты... Зря, что ли, он в который раз вспоминается...

И как-то сам собой выплыл из памяти телефонный номер капитана Аведова. Нет, я понимал, что капитан находится далеко, и вообще – инвалид, да, кроме того, за два года мог и позабыть о моем существовании, потому что у него таких, как я, было двести человек. Причем они постоянно менялись каждые полгода, и в общей сложности через роту прошло невесть сколько парней. Кто я для Вадима Палыча? Может и не вспомнить... Я останавливал себя такими мыслями, но тем не менее чувствовал что-то похожее на отчаяние и просто стремился к общению с человеком, которому можно довериться. А уж капитану Аведову довериться можно было всегда.

И я все же позвонил. Нашел в скверике скамейку, где можно спокойно посидеть и перевести дыхание. Там и набрал номер. Мне почему-то было стыдно сказать, что я знаю всю историю, произошедшую с капитаном. И я говорил с ним так, словно считал его все еще служащим в армии. Даже предположил, что Аведов уже майором стал.

Наверное, мой голос отражал внутреннее состояние. Это и сбило Вадима Палыча с толку. Он не расслышал фальши. Я не умел разговаривать с инвалидами, и, кроме того, стыдно было просить помощи у инвалида. Но я попросил...

**ВАЛЕРИЙ СТАДНЮК, КАПИТАН,
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УГОЛОВНОГО
РОЗЫСКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА**

За все время службы в уголовном розыске со мной ни разу не происходило такого неприятного казуса. Надо особым талантом обладать, чтобы умудриться так провалить дело! Мы были впятером – четверо опытных оперов и не менее опытный водитель. А он тоже в первую очередь мент, и только потом водитель... И при этом не просто упустили подозреваемого, но понесли еще и ощутимые потери. И нравственные, и физические. Про синяк под глазом я уже не говорю, с кем такого не бывает, хотя светить на все управление таким «фонарем» – удовольствие не из больших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.